

18+

ДЖЕННИФЕР АРМЕНТРОУТ

ЛУННЫЙ СКАНДАЛ

Дженнифер Ли Арментроут
Лунный скандал
Серия «Main Street.
Коллекция «Скарлет»»
Серия «Де Винсент», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63078041

*Д. Арментроут. Лунный скандал: ООО «Издательство АСТ»; Москва;
2020*

ISBN 978-5-17-121353-4

Аннотация

Рози Херпин обычно охотится за привидениями, но на этот раз преследовать будут ее саму. Могла ли она знать, к чему приведет ее знакомство с известным в Новом Орлеане наследником семейного проклятия, Девлином де Винсентом? Люди уверены, что Девлин – воплощение дьявола. Но для Розы это человек, который воспламеняет ее самые невероятные фантазии. После того как на друга Розы совершается жестокое нападение, этот мужчина становится для нее еще и загадкой, решение которой может стоить девушке жизни.

Девлин знает, что ему нужно от этой привлекательной непоседливой женщины. Но чего от него хочет Розы? Со временем

вопрос волнует его еще сильнее, ведь из-за нее он все плотнее сталкивается с тенями из своего прошлого.

Слухи и легенды о семействе де Винсент могут оказаться самой настоящей правдой. И в таком случае, завершив расследование, Розе окажется в объятиях не просто мужчины, перед которым она не может устоять, а самого настоящего дьявола.

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	26
Глава 3	41
Глава 4	54
Глава 5	73
Глава 6	92
Глава 7	114
Глава 8	127
Конец ознакомительного фрагмента.	141

Дженнифер Арментроут

Лунный скандал

Jennifer Armentrout

Moonlight Scandals (De Vincent Series #3)

© 2019 by Jennifer L. Armentrout

© Н. Болдырева, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2020

* * *

– Давайте еще раз. Вы хотите, чтобы мой брат позволил вам проверить его дом на наличие призраков?

Она кивнула.

Дев правда не знал, что на это ответить, но затем увидел, как она закусывает нижнюю губу. Как бы дерьмово это ни звучало, он понял, что может торговаться. И есть кое-что, чего он хочет. На самом деле, он много чего хотел.

– Я проведу вас в этот дом.

– Что? – В ее голосе прозвучало удивление. – Вы серьезно?

Полуулыбка тронула его губы.

– При одном условии.

– Каким условием?

Он сел прямо и наклонился так близко, что почувствовал ее дыхание. Его снова дразнил запах кокоса.

– Это довольно серьезное условие.

– Ладно. Какое?

То, что он собирался сказать, не было запланировано. Это не было сказано так, как ему хотелось и как он привык говорить. Это условие было тем, чего он желал так сильно.

– Поцелуй меня, – тихо сказал он. – Поцелуй меня. Это мое условие.

Дженнифер Арментроут

Лунный скандал

Роман из серии «Де Винсент»

Это – художественное произведение. Имена, персонажи, места и события являются плодом воображения автора или переосмыслены художественно и не могут быть истолкованы как реальные.

Любое сходство с реальными событиями, местами, организациями или людьми, живыми или умершими, совершенно случайно.

Тебе, читатель

Авторское примечание

Я люблю шторы из бусин.

Просто чтобы вы знали.

Глава 1

Стоя на коленях, Рози Херпин глубоко вздохнула, успокаиваясь и стараясь не обращать внимания на острые камешки, впивающиеся в кожу. Она наклонилась вперед, прижав ладони к теплomu, выцветшему на солнце камню. Было не очень удобно стоять на коленях в платье с запахом, но сегодня Рози не собиралась надевать джинсы или леггинсы.

Она закрыла глаза, скользнув рукой по камню, проследила ладонью неглубокие линии, старательно вырезанные на поверхности. Ей не нужно было смотреть, чтобы знать, что она нащупала имя. Его имя.

Йен Самюэль Херпин.

Проведя пальцами над каждой буквой, она прочитала их про себя, а когда закончила, добравшись до буквы «Н» в фамилии, замерла. Рози не нужно было двигаться дальше, чтобы знать, что за цифры написаны ниже. Йену было двадцать три. И ей не нужно было открывать глаза, чтобы прочитать единственную выгравированную в камне строку – эта строка была вырезана в ее разуме.

«Пусть он обретет покой, что избегал его в жизни».

Рози отдернула пальцы от камня, но не открыла глаз, когда подняла руку к груди, прямо к сердцу. Она ненавидела надпись. Его родители, благослови их Господь, выбрали эти слова, а ей не хватило ни разума, ни духа, чтобы спорить с

ними. Теперь она жалела об этом.

Покой не убегал от Йена. Покой был рядом с ним, ждал его, окружал его. Покой просто... не мог к нему прикоснуться.

Это было другое.

По крайней мере для Розы.

Десять лет прошло с тех пор, как они планировали свое будущее: эти планы включали степень в колледже, дом с красивым двориком, детей, и может быть, если даст Бог, внуков, которых они могли бы баловать на пенсии. Но закончилось все пистолетом, и Розы даже не знала, что он был у ее мужа.

Десять лет она снова и снова мысленно прокручивала в голове то короткое время, когда они жили вместе, ища свидетельства того, что все, чем они были и чем хотели казаться, было лишь фикцией. Потому что они жили двумя разными жизнями. Розы верила, что все идеально. Да, у них были проблемы, как и у всех, но для нее в них не было ничего серьезного. А для Йена? Его жизнь вовсе не была идеальной. Для него она была борьбой. Не постоянной. Не той, с которой сталкиваешься каждый день. То, что преследовало его в мыслях и чувствах, было тщательно скрыто. Его депрессия была тихим убийцей. Ее приближения никто не видел: ни семья, ни друзья, ни даже сама Розы.

Лишь много-много лет спустя, после долгого душевного самоанализа, Розы пришла к шаткому осознанию того, что их жизнь не была полной ложью. Розы прошла все стадии горя,

прежде чем дошла до этого понимания. Кое-что в их жизни было правдой. Йен любил ее. Она знала, что это правда. Он любил ее всем своим существом.

Влюбленная школьная парочка. Вот кем они были.

Они поженились летом после окончания школы, и оба много работали, чтобы устроить совместную жизнь. Может быть, работали слишком много, и это наложилось на то, что его беспокоило. Он проводил долгие дни на сахарном заводе в то время, как Роза посещала Тулейнский университет, работая над получением степени. У них было много планов, было будущее, которого Йен отчаянно хотел больше всего на свете.

Ей было двадцать три. Она почти окончила колледж, и они искали свой первый дом. Она как раз была в пекарне родителей в городе, когда ей позвонили из полиции и велели не возвращаться домой.

Оставался месяц до получения степени, когда Йен позвонил в полицию и сообщил, что собирается сделать. Они только начали процесс подачи заявки на ипотеку, когда она узнала, что ее муж не хотел, чтобы она вернулась домой и обнаружила его тело. Оставалась неделя до его дня рождения, когда их живая и дышащая американская мечта превратилась в американскую трагедию.

За столько лет она так и не поняла, почему он сделал это. Столько лет она была чертовски зла и чувствовала такое чувство вины, будто она могла что-то изменить. Что-то сде-

лать. Лишь когда она поступила в университет Алабамы на психолого-педагогическую программу, то начала понимать, что предупреждающие знаки действительно были: красные флажки, на которые большинство никогда не обращает внимания.

На лекциях она понимала, что депрессия – совсем не то, чем ее считают и чем она сама ее считала.

Йен улыбался и жил, но он делал это для Розы. Он делал это для семьи и друзей. Он улыбался, смеялся, каждый день вставал и шел на работу, строил планы и бездельничал с ней по воскресеньям, чтобы она не беспокоилась и не переживала о нем. Он не хотел, чтобы она чувствовала то же, что и он.

И он продолжал так жить, пока хватало сил.

Вина, в конце концов, обернулась сожалением. А сожаление таяло, пока не превратилось в сосредоточение эмоций, которые всегда, что бы ни случилось, будут возникать, когда она позволит себе думать о том, как все могло бы сложиться. Где бы они были, кем бы они были, если бы все сложилось иначе. И это было бы чем-то совершенно обыденным.

Теперь он был мертв уже дольше, чем она знала его при жизни. И хотя с каждым месяцем, каждым годом становилось легче, ей все еще трудно было даже произнести его имя.

Розы не верила, что после смерти того, кого ты любил по-настоящему, кто был не просто твоим лучшим другом, но и твоей половиной, можно оправиться и просто жить дальше. Ты уже не вернешь ту часть себя, которую навсегда отдал

другому. Когда его не стало, эта часть ушла вместе с ним. Но Роза верила, что можно смириться с тем, что потеряно, и продолжать жить, наслаждаясь каждым днем.

И ничем она так не гордилась, как тем фактом, что смогла сделать это. Никто, ни один чертов человек не мог сказать, что она проявила слабость, что она не отряхнулась и не поднялась вновь на ноги, потому что никому никогда не понять бурный, постоянно меняющийся поток жестоких эмоций, которые приходят, когда тот, кого вы любили больше всего на свете, кончает с собой.

Никому.

Она получила не одну и не две степени, а целых три. Она окончила университет и начала развлекаться так, что временами ей казалось, еще чуть-чуть – и кто-то вызовет полицию. Она занялась тем, что раньше было лишь интересом. Интересом ко всему паранормальному, который она делила с Йеном и превратила его в настоящий способ заработка, благодаря которому она познакомилась с лучшими людьми в ее жизни. Роза стала часто ходить на свидания. Черт, у нее только что было свидание с парнем, с которым она познакомилась, когда работала в пекарне родителей. И она никогда не сдерживалась. Никогда. Жизнь была слишком коротка, чтобы сдерживаться.

Ей преподали эти жестокие уроки.

Но сегодня, в десятую годовщину со дня смерти Йена, было трудно отделаться от ощущения, будто все это случилось

вчера. Было почти невозможно не погрузиться в удушливую печаль.

Подняв руку к шее, она потянула за золотую цепочку, которую никогда не снимала. Розы вытащила ее из-под ворота платья, обвив пальцы вокруг золотой полоски. Кольцо мужа. Она поднесла его к губам и поцеловала теплый металл.

Когда-нибудь она спрячет это кольцо в надежное место. Она знала это, но день еще не пришел.

Открыв глаза, она сморгнула слезы и опустила взгляд на лежащий на земле букет свежих цветов. Пионы. Ее любимые, потому что у Йена любимых цветов не было. Это были наполовину распустившиеся маленькие бутоны с розовыми сердцевинами, которые потом станут совсем белыми. Подняв влажные стебли, она вдохнула густой, розовый аромат.

Розы нужно было идти. Она обещала своей подруге Никки помочь сегодня с переездом, так что пора возвращаться в квартиру, переодеваться и быть хорошей подругой.

Она наклонилась, когда услышала тихое быстрое проклятие, заставившее ее вскинуть голову. Обычно она не слышала проклятий на кладбище. Обычно тут было довольно тихо. Легкая улыбка тронула ее губы. Обычно проклятия и кладбища не сочетались. Она осмотрела узкую дорожку справа от себя и ничего не увидела. Откинувшись назад, она посмотрела налево и нашла источник звука.

Мужчина стоял на одном колене к ней спиной и подбирал цветы, упавшие в оставленную недавним ливнем лужу. Даже

с того места, где она сидела, было видно, что его нежный букет безнадежно испорчен.

Прикрыв глаза рукой, она прищурилась от солнечного света, наблюдая за тем, как мужчина встает. Он был одет так, словно пришел сюда прямо с работы. Темные брюки с отлично сидящей белой рубашкой. Рукава закатаны до локтей, обнажая загорелые предплечья. Было начало сентября, и Новый Орлеан все еще крутился в седьмом круге адской жары, такой же влажной, как яйца Сатаны в полдень, так что если она едва не умирала в своем черном платье, то он, должно быть, готов был уже снять рубашку.

Все еще стоя к ней спиной, он смотрел на испорченные цветы. Его плечи напряглись, когда он развернулся в другую сторону. Быстрым шагом он понес цветы к увитым испанским мхом дубу. Там стоял небольшой мусорный бак, один из немногих на всем кладбище. Мужчина бросил цветы, повернулся и быстро исчез в одном из многочисленных переулков.

О, боже, какой отстой.

Сочувствуя парню, она бросилась в бой. Осторожно вынула половину стеблей, а затем склонилась, поставив оставшиеся цветы в вазу перед могилой Йена. Она подхватила ключи и, поднявшись, надела темные очки в фиолетовой оправе. Поспешив вниз по протоптанной тропинке с пятнистой травой, она свернула на дорожку, по которой ушел парень. Удача ей улыбнулась, потому что она увидела его у похожей

на пирамиду могилы. Там он свернул вправо, и она почувствовала себя немного преследователем, когда поспешила за ним.

Конечно, она могла бы окликнуть его и просто вручить оставшуюся часть пионов, но кричать незнакомцу на кладбище казалось ей просто неправильным. Ее мать косо посмотрела бы на нее, если бы она начала кричать на кладбище.

Никто не умел так косо взглянуть, как ее мать.

Мужчина еще раз свернул и исчез из поля зрения. Держа цветы, она прошла мимо могилы с большим крестом, а потом замедлила шаг.

Она нашла его.

Он стоял перед массивным мавзолеем, охраняемым двумя великолепными плачущими ангелами. Он просто стоял там, такой же неподвижный, как эти ангелы, руки его были напряженно выпрямлены вдоль тела, а кулаки – сжаты. Она шагнула вперед, а ее взгляд скользнул к имени на мавзолее.

Де Винсент.

Ее глаза распахнулись, когда она пробормотала:

– Матерь божья.

Мужчина оглянулся через плечо, и Роза вдруг поняла, что стоит всего в нескольких футах от Дьявола.

Так его называли в желтой прессе. Так его называли почти все в ее семье.

Так Роза любила называть его *в своих самых безумных мечтах*.

Все в Новом Орлеане, штат Луизиана, и, возможно, больше половины страны знали, кто такой Девлин де Винсент. Кроме того, его фото с невестой было во всех газетах в разделе «Светская жизнь и развлечения». Он был старшим из трех оставшихся братьев де Винсент, наследников такого состояния, которое Розы, как и большинство людей в мире, представить себе не могли.

Мир тесен.

Глядя на него, она могла думать лишь об этом. Ее подруга Никки работала на де Винсентов. Ну, она временно работала на них, и прямо сейчас у нее что-то было со средним братом. На данный момент все происходящее напоминало полнейший хаос, и Габриель де Винсент определенно находился в списке «Парней, Которым Пора Разгрести Свое Дерьмо».

Но дурная слава де Винсентов и то разгорающиеся, то затухающие отношения ее подруги с Гейбом были не единственной причиной, по которой она знала о них больше, чем среднестатистический обыватель.

Дело было еще и в их доме... в их земле.

Поместье де Винсентов считалось одним из самых паранормальных мест штата Луизиана. Розы знала это потому, что была слегка одержима всеми легендами, окружавшими землю и семью, включая легенду о *проклятии*. Да. Предполагалось, что семья и земля прокляты. Было ли это круто? Ладно, может, это не было круто для тех, кого касалось напрямую, но Розы была очарована самим фактом.

Из расследования, которое Роза провела тысячелетия назад, у нее сложилось впечатление, что дело было в самой земле. В конце восемнадцатого, начале девятнадцатого века Новый Орлеан был поражен многочисленными вспышками болезней. Оспа. Испанка. Желтая лихорадка. И даже бубонная чума. Тысячи людей погибли, и еще больше попали в карантин. Часто мертвых и умирающих размещали рядом, оставляя гнить. Земля, на которой стоял дом де Винсентов, широко использовалась во время одной из таких вспышек. И даже после того, как дом был построен, земли вокруг еще некоторое время использовались во время более поздних вспышек. Все эти болезни и смерть, замешанные на горе и безнадежности, оставляют после себя неприятные флюиды.

И, черт возьми, у земли де Винсентов были плохие флюиды.

Сам дом горел несколько раз. Пожары можно было легко объяснить, но все эти смерти? И было то, о чем рассказывала ей Никки. Было проклятие де Винсента и кое-что еще более безумное.

Линии лей.

Линии лей представляли собой практически прямые линии энергии, идущие через весь земной шар, и считалось, что они контролируют духовные связи. Та линия, что тянулась от Стоунхенджа, пересекала Атлантику и проходила через такие города, как Нью-Йорк, Вашингтон, округ Колумбия, Новый Орлеан. И, согласно ее исследованиям, прямо по

земле де Винсентов.

Рози пошла бы на что угодно, плохое и ужасное, чтобы проникнуть в этот дом и провести там расследование.

Но это вряд ли когда-либо случится. Когда Рози заикнулась об этом Никки, та осадилась еще быстрее, чем успели бы остыть свежее испеченные булочки.

Никогда раньше она не встречала де Винсентов и уж точно не сталкивалась с Девлином де Винсентом, но она видела достаточно его фотографий, чтобы понять, что Девлин... ну, он ей нравился.

В нем было нечто, что разгоняло ее гормоны до скорости Шевроле Импала тысяча девятьсот шестьдесят седьмого года. Широкоплечий, с узкими бедрами, этот мужчина был высок, гораздо выше шести футов. Его темные волосы были коротко острижены. Его лицо всегда оставалось красивым. Высокие, широкие скулы и прямой, с горбинкой нос вкупе с полными, идеально очерченными губами. У него был квадратный жесткий подбородок с небольшой ямочкой.

Мужчина ошеломлял ее, но в его собранности было нечто холодное, почти отстраненное и немного жестокое. Для кого угодно другого это могло бы снизить его привлекательность, но для Рози? Для нее он становился еще более красивым.

О Боже, в этот момент Рози кое-что вспомнила. Как она могла забыть? Она не была уверена, но вроде бы недавно умер его отец. Лоуренс де Винсент умер так же, как мать де Винсентов. И так же, как Йен.

От собственной руки.

Хотя Лоуренс де Винсент не застрелился. Он повесился. Во всяком случае, так заявляла желтая пресса.

В тот момент ее сердце разрывалось от жалости к нему и ко всем братьям. Испытать то, что они испытали, не один раз, а дважды? Боже правый...

Девлин повернулся к ней лицом и пристально посмотрел на нее, в то время как она пялилась на него. Не так она представляла себе поездку на кладбище.

– Чем могу помочь? – спросил он, и, о Боже, его голос был глубок, словно океан.

– Я видела вас там и как цветы упали в лужу, – сказала она, делая маленький шаг ближе. – У меня есть лишние. Можете взять.

Солнечный свет скользнул по его скулам, когда он склонил голову набок. Он не ответил.

Так что она просто протянула ему пионы.

– Хотите?

Девлин все так же не отвечал.

Она закусила нижнюю губу и решила, что если уж идти, то идти до конца. Перешагнув каменный бордюр, она подошла к Девлину. Честное слово, этот мужчина был так высок, что ей пришлось запрокинуть голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

Эти глаза.

Густые, тяжелые, темные ресницы обрамляли глаза цвета

залива, потрясающие, сине-зеленые.

Он не смотрел ей в глаза. Кажется, он пялился... на ее губы.

Ее окатила теплая волна. *У него есть невеста.*

Или, по крайней мере, так ей помнилось. Это она повторила себе трижды, прежде чем перестать закусывать нижнюю губу, и вновь попыталась заговорить с ним.

– Пионы – мои любимые, – объяснила она. Действительно, почему бы не объяснить? – Те, от которых пахнет. Знаете, запах есть не у всех.

Он поднял голову и наконец встретился с ней взглядом. Она едва не пожалела об этом, потому что никогда раньше не видела настолько пристального, серьезного взгляда. Взгляда без намека на юмор. И совершенно определенно – обеспокоенного взгляда.

Хотя чему удивляться? Его отец умер, и она готова была поклясться, что еще совсем недавно в газетах было еще что-то драматическое об их семье, но как бы там ни было, он пришел на кладбище и стоял у семейной могилы. Так что да, он наверняка был не спокоен.

Была ли спокойна она сама?

– Я не знал, – ответил он.

Робкая улыбка тронула ее губы.

– Ну, теперь знаете.

Он помолчал.

– И чем они пахнут?

– Ну, эти пахнут розами. И, думаю, можно было бы просто купить роз, раз мне нравится этот запах, но мне всегда казалось, что пионы красивее.

Его взгляд опустился к цветам.

– Да.

Рози улыбнулась шире.

– Они ваши, если хотите.

Прошла секунда, потом он потянулся взять цветы. Его пальцы задели ее, когда сжимали стебли. Ее взгляд метнулся к его лицу. Уголки его губ чуть приподнялись. Всего на мгновение, но она подумала...

Как бы странно это ни звучало, но Роза решила, что он задел ее нарочно.

– Кажется, люди не часто поступают так, – сказал он, взглянув на пионы, а затем вновь посмотрев на нее.

– Как? – Она опустила руки.

– Искать кого-нибудь на кладбище, чтобы дать цветы на замену тем, которые он неосторожно уронил, – объяснил он, поднимая взгляд на самолет, летевший в сторону аэропорта. Затем он так же пристально, как и раньше, сосредоточился на ней. – Думаю, большинство даже не подумало бы об этом.

Рози пожала плечами.

– Надеюсь, что вы не правы.

– Я прав. – Он сказал это так, будто не испытывал ни капли сомнений. – Благодарю.

– Не за что.

Он кивнул и вновь повернулся к склепу. Розе понадобилось какое-то время, чтобы осознать безумие ситуации. Он стояла тут, разговаривая с Девлином де Винсентом, и не приставала к нему с вопросами о его доме с привидениями.

За то, что она не поддалась порыву и доказала, что, по сути, у нее хватило здравого смысла проявить уважение к тому факту, что они находились на кладбище, где подобные темы были неуместны, она заслужила кучу булочек.

Она сообразила, что пришла пора оставить его, тем более, ей действительно нужно было ехать к Никки, а ему – побыть одному. Но ей казалось, что нужно что-то сказать на прощание.

– Соболезную по поводу вашего отца.

Она сказала лишь это, поскольку знала: когда люди теряют кого-то таким образом, каждый воспринимает это по-своему. Некоторые нуждаются в признании и хотят говорить о случившемся. Другие нескоро находят на это силы, а ведь самоубийство его отца случилось совсем недавно.

Девлин вновь посмотрел прямо на нее. Он склонил голову набок, и его идеальные черты лица приобрели ироничное выражение.

– Вы знаете, кто я?

Рози тихо рассмеялась.

– Я практически уверена, все знают, кто вы.

– Это точно, – пробормотал он, заставив Розу снова рассмеяться. Не было причин отрицать это. – А вы знали, кто

я, когда я уронил цветы?

Она снова рассмеялась.

– Нет. Вы стояли спиной ко мне и слишком далеко от меня. Я знала лишь, что вы мужчина.

То, как он внимательно смотрел, заставило ее усомниться, поверил ли он, но она едва ли могла что-то добавить к сказанному. Когда небо над головой слегка посветлело, Роза подняла очки наверх. Утром она собрала волосы в узел на макушке. Она знала, что, если не сделать этого, при такой влажности они превратятся в кудрявую копну.

Что-то странное скользнуло по его лицу, пока он смотрел на нее. Она понятия не имела, что это, и крутанула на пальце кольцо с ключами.

– Ну, я и так отняла достаточно вашего времени...

– Это не для Лоуренса, – сказал он, и она подумала, как странно, что Девлин назвал его так, а не «отец». Он сделал шаг, ступив на камень. – Мы в неравном положении.

– Да? – Она наблюдала, как он опускается на колени, и только затем увидела имя. Марджори де Винсент. Была ли это его мать?

Девлин опустил пионы в вазу.

– Вы знаете меня, я не знаю вас.

– О. – Роза едва не представилась. Имя вертелось на кончике языка, но Роза вроде как свела Никки со своим другом, который попытался провести для местных газет расследование о де Винсента, ни слова не сказав Розе. Она не знала,

известно ли Девлину об этом, но она не видела смысла рисковать.

– Это не важно.

Он повернулся к ней, нахмурившись.

– Не важно?

– Да. – Она улыбнулась, когда ее взгляд скользнул туда, где в камне было вырезано имя его отца. – Знаете, я уверена, вам уже говорили это раньше, но это правда. Вы, может быть, никогда не поймете, почему ваш отец сделал то, что сделал, но со временем справляться с этим... станет проще.

Девлин смотрел на нее, приоткрыв рот.

Она почувствовала, как вспыхнула, ведь он, конечно же, знал это. Он уже имел такой опыт с матерью, а она стоит тут как идиотка, раздавая ненужные советы.

Сойдя с камня, он шагнул к ней.

– Как вас зовут?

Прежде чем она успела ответить, зазвонил телефон. На мгновение ей казалось, что он не ответит, но затем он потянулся в карман и вынул телефон.

– Прошу прощения, – сказал он. – Я должен ответить.

– Все нормально.

Девлин отвернулся и заговорил, уперев руку в бок. Это был ее шанс тихонько уйти. Она задержалась лишь на секунду, чтобы еще раз охватить взглядом линию его подбородка и ширину плеч, а потом опустила очки обратно на нос и попятилась.

Развернувшись с легкой улыбкой на губах, она пошла прочь от Девлина де Винсента, уверенная, что едва ли встретится с ним снова.

Глава 2

Принцесса Серебряная Луна – это ее псевдоним, но Роза знала ее просто как Сару ле Пен. Принцесса Серебряная Луна, без сомнения, абсурдное имя, но в той области, где работала Сара, ей требовалось выделяться из толпы. Особенно в городе, где нельзя кинуть камень, чтобы не попасть в гадалку по картам таро или медиума, так что, назвавшись принцессой, она действительно привлекала к себе немало внимания.

Но Сара и правда обладала даром.

Она была медиумом, чьи *чувства* почти всегда оборачивались предчувствиями. К тому же она умела общаться с истинно добрыми духами. Роза знала, что дело тут не только в отточенной интуиции или умении мастерски читать язык тела. Она много раз видела Сару за работой и понимала, что та связана с кем-то, способным ответить практически на любой вопрос, передав спрашивающим удивительно точную информацию.

Роза познакомилась с Сарой через их общую подругу Джиллиану несколько лет назад. Джил была создателем и совладельцем КНОПки – команды Нью-Орлеанских паранормальных исследователей, которая, по мнению Розы, являлась одной из лучших исследовательских групп. Джилли привлекла Сару к делам КНОПки, когда они исследовали

дом в Ковингтоне. В этом доме жила добропорядочная хозяйка, которая не хотела никуда съезжать и теперь доставляла владельцам массу хлопот, воруя вещи и расставляя их в неожиданных местах, тем самым до полусмерти пугая детей. К огромной радости семьи, Сара смогла заставить старую леди уйти. Насколько Роза знала, семья по-прежнему жила в этом доме. Но иногда духи могут быть упрямыми. Случалось, Саре не удавалось заставить их шагнуть за грань, и тогда лишь владельцы могли решать, то ли им бороться с духами дальше, то ли учиться как-то сосуществовать с ними.

Сара участвовала в работе группы вплоть до того момента, как четыре месяца назад *чувство* заставило ее вернуться домой пораньше, и она – как банально – не застала своего жениха с секретаршей.

Так что недавно она переехала в квартиру на Урсулайн, неподалеку от Розы, и именно здесь Роза теперь молила о прощении.

– Прощу прощения за опоздание, – сказала она Саре, бросая сумку на диван. – Сегодня был... Чего только сегодня не было. Я помогала подруге с переездом, и мне нужно было помочь Джилли с одним из туров по домам с привидениями. Ты знаешь, как это все обычно выглядит.

– Полный хаос, и никто ничего не успевает? – рассмеялась Сара, выходя из кухни. Ее светлые волосы были собраны в неаккуратный узел, который хоть сейчас можно было бы выкладывать в инстаграм. Она была роскошной женщи-

ной, которая напоминала Рози более зрелую версию актрисы Дженнифер Лоуренс. Когда Сара *официально* работала, она надевала летящие одежды и браслеты, при каждом движении звучащие, словно порывы ветра. Когда она отдыхала, как сейчас, она одевалась в черные леггинсы и черную тунику. – Не за что извиняться. Все в порядке. Я ничего не планировала на сегодня. Я никогда ничего не планирую в этот день.

– Но сегодня пятница...

– А в этот день каждый год у нас особое свидание, так что все в порядке. – Она принесла две маленькие свечи и поставила их на журнальный столик.

Сара была права.

Последние шесть лет Сара пыталась пообщаться с Йеном в годовщину его смерти. Как у Гудини и его жены, у Рози с Йеном было кодовое слово. Слово, которое знали лишь они. Они придумали его однажды ночью, выпив галлон вина и посмотрев кучу серий «Мертвых файлов» в одно из своих ленивых воскресений. Поскольку он так же, как и она, увлекался паранормальными явлениями, не было ничего удивительного в том, что они придумали слово, которое доказывало бы, что медиум действительно общается с кем-то из них.

Рози понадобилось четыре года для того, чтобы морально подготовиться к подобному разговору. На самом деле у нее не было особых вопросов к Йену. Она просто хотела знать, что он в порядке. Ничего более.

И в последние шесть лет Саре ни разу не удалось досту-

чаться до него. Розы не знала, что это значит. Сара всегда говорила, что это вовсе не значит, будто его нет поблизости. Он просто не отвечал. Может быть, он не был готов говорить. Может быть, он... Может быть, его *там* не было, где бы ни было это *там*.

Как бы там ни было, Розы благоговела перед Сарой. Возможно, была даже влюблена в нее, словно маленькая девочка. Тот факт, что она могла разговаривать с ушедшими, завораживал Розы. Сара охотно делилась впечатлениями о том, на что это похоже и как это было, когда она была ребенком. Розы никак не могла понять или даже хотя бы представить, каково это, – слышать голоса, которые не слышат другие, чувствовать то, что другие не чувствуют.

Сара и подобные ей, истинно одаренные, были для Розы героями.

– Как прошел тур? – спросила Сара.

– Неплохо. – Зная ритуал, Розы прошла в кухню и подхватила еще две свечи. Она принесла их в гостиную и поставила в центре кофейного столика. – Просто у многих людей возникают вопросы, против чего я не возражаю, но мы застряли у дома Султана.

Сара закатила глаза и выключила верхний свет. Комнату окутало мягкими мерцающими тенями. Жалюзи уже были опущены, скрыв яркие огни города. Сара включила музыку. Ну, технически это была не музыка. Это был низкий звук океанских волн, фоновый шум, который помогал Саре скон-

центрироваться и вытеснить посторонние звуки.

Вернувшись к Розе, Сара опустилась на колени на блестящую синюю подушку.

– Ты о том доме, в котором нет ни малейших следов присутствия Султана или его брата? Или любых других свидетельств кровавой, ужасной резни?

Хихикая, Роза упала на свою подушку. Она тоже искрилась, но розовым.

– Один из туристов хотел узнать, почему мы не повели их в дом Гардет ла Прет, и я попыталась объяснить, что нет никаких исторических свидетельств того, что там была какая-нибудь кровавая резня. И хотя это красивое место, мы не включаем в экскурсии дома без исторических оснований. Он спорил, перечислял все факты, которые не являются фактами, что понял бы любой, умеющий пользоваться «Гуглом».

– И общался с тобой свысока, как и все шовинисты, да?

– Ага. – Она скрестила ноги. – Я ответила ему, что никто не утверждает, будто в доме нет привидений. Просто этому нет никаких фактических подтверждений. Нет даже ни одного репортажа об убийствах, или о чем-то подобном, что обязательно попало бы в газеты.

Сара потянула шею влево, затем вправо. Свет от свечи танцевал на ее лице.

– Там действительно есть странные вибрации, и я бы не стала снимать квартиру в этом доме, но ты знаешь...

– Ага. Ты либо веришь в убийства, совершенные в доме

Гардет ла Прет, либо нет. Без вариантов. Как бы там ни было, спор вынудил нас задержаться. Ты когда-нибудь проводила вечер, споря о массовых убийствах, которых вероятно никогда и не было?

Она тихо рассмеялась.

– Нет. Хотя хотелось бы. У меня был частный сеанс с парой, которая только что потеряла ребенка.

– О, нет. – Плечи Розы поникли. Не было ничего хуже таких сеансов, и Роза не была уверена, как с ними справляется Сара. Скорбящая семья и друзья, отчаянно желающие хотя бы еще раз поговорить со своими любимыми. Но в каком бы отчаянии ни находились эти люди, Сара не стала бы лгать им. Она не стала бы повторять им все эти смутные фразы, которые повторяют другие медиумы, чтобы клиент почувствовал облегчение. Сара всегда была честна, даже когда это причиняло боль.

– Тебе удалось достучаться до ребенка?

Сара убрала со щеки прядь волос.

– Нет. Дети, они... С ними всегда сложно, особенно с теми, кто ушел недавно. Я пыталась объяснить это, но они все равно хотели попробовать. Они хотели повторить попытку сразу же, но мне удалось убедить их подождать пару месяцев. – Она улыбнулась, опустив руки на кофейный столик, но улыбка была печальной. – Кстати, ты по-прежнему собираешься со мной на маскарад на следующей неделе, да?

Роза воодушевленно кивнула.

– Черт подери, да! Я просто счастлива, что ты не передумала, и спасибо, что берешь меня с собой. Я всегда хотела туда попасть.

Ежегодный благотворительный маскарад проходил там, где в непринужденной обстановке встречались самые богатые люди Нового Орлеана, и Бог знает кто еще. Так что у Розы никогда не было шансов попасть туда. У нее не было связей ни с кем из этой пафосной толпы.

Сара обычно посещала маскарад со своим бывшим, который получал приглашения, поскольку работал в офисе окружного прокурора. Насколько им было известно, ее бывший туда не собирался. Розы очень хотелось, чтобы он все же появился там, потому что их наряды были чертовски сексуальны, и Розы мечтала, чтобы Сара мозолила ему глаза демонстрацией того, что он потерял.

– Ты так взволнована, потому что в этом доме есть призраки, – улыбнулась Сара.

– Признаю свою вину. – Спальня этого дома, последняя слева по коридору, та, что смотрела на задний двор, считалась одним из самых часто посещаемых призраками мест в городе. По легенде, в этой комнате обитала женщина, убитая накануне свадьбы ревнивым бывшим любовником. Розы собиралась проверить, так ли это.

Сара покачала головой.

– Давай посмотрим, удастся ли дотянуться до Йена. Окей?

Розы кивнула. Иногда Саре требовались личные вещи, но

поначалу она старалась обходиться без них. Розы не задерживала дыхание при мысли, что этот вечер будет отличаться от всех предыдущих.

Но она собиралась попробовать, потому что они обещали это друг другу. И может, это было всего лишь глупое обещание, из тех, которые Йен не воспринимал всерьез, но для Розы все было серьезней некуда.

– Закрой глаза и представь себе Йена, – сказала Сара; ее голос в темноте прозвучал тихо. – Я дам тебе знать, если он ответит. – Другими словами, Розы нужно было заткнуться, чтобы Сара могла сконцентрироваться. Розы так и сделала, потому что знала: Сара хочет, чтобы она молчала до тех пор, пока Сара не задаст ей вопрос. В конце концов, Розы могла случайно рассказать ей о Йене что-то лишнее, а поскольку они были друзьями, Сара и так знала о Йене очень много, и это мешало ей отстраниться от того, что она уже знала.

Закрыв глаза, Розы представила себе Йена. Или попыталась. Становилось... Боже, как ни неприятно признавать это, ей становилось все труднее собирать вместе его черты. Она очень старалась, чтобы детали не расплывались, но это требовало больших усилий. Розы знала, что это обычное дело, но осознание происходящего все равно прожигало грудь насквозь.

Йен был симпатичным.

Он был худой и долговязый. Из тех парней, что могут каждый день есть жареные куриные крылышки, приправленные

каким угодно соусом, заедать их гамбургерами и не толстеть. Розы прибавляла в весе от одного взгляда на корзинку с куриными крылышками, но не Йен. У него были темно-каштановые волосы, подстриженные почти под ноль. Розы нравились у парней более длинные волосы, но короткая стрижка всегда шла Йену, так как открывала его высокие скулы. Благодаря отцу его кожа была намного темнее, чем у нее, а глаза – насыщенного, темно-карего оттенка. Розы мысленно представила его себе, как он улыбается, потому что у него была прекрасная улыбка. Настолько заразительная, что нельзя было не улыбнуться в ответ. А его смех? О, боже, он был таким...

– Тут кто-то есть, – объявила Сара, заставив Розы внутренне сжаться. – Голос слабый. Очень далекий. – Последовала новая пауза. – Это женский голос.

Ее глаза распахнулись, когда ее выдернули из мыслей. Сара сидела напротив, ее глаза были все так же закрыты.

Ее бледные брови хмурились, пальцы крепко держали край кофейного столика.

– Розалин...

Никто не назвал ее Розалин, кроме родителей или сестры, которые делали так только для того, чтобы ее позлить. Хотя, опять-таки, ее бабушка всегда звала ее именно так.

Сара слегка дернула головой влево.

– Ты всегда... ненавидела это имя.

Кривая усмешка коснулась губ Розы. Все, кто знал ее, зна-

ли, что она не любит свое полное имя. Розалин Июнь Прадин – это было ее имя до замужества. После смерти Йена она не стала возвращаться к девичьей фамилии. Не видела смысла. Как бы там ни было, сестру звали еще хуже. Их родители во всем доходили до крайности и называли бедную девочку Белладонной, то есть в честь крайне ядовитого растения, также известного как паслен.

Странные имена, к сожалению, были своего рода семейной традицией по материнской линии. Ее мать звали Юнипер *Май* Прадин. Белла была Белладонной *Февраль* Прадин. Да, тут существовала некоторая закономерность. Средние имена означали месяц, в который их зачали родители. Очевидно, эта странная традиция пошла от бабки.

И ее бабушка совершенно точно знала, что Рози не нравятся, когда ее так называют.

Очевидно, что до них пытался докричаться не Йен, но если это была ее бабушка, то Рози не возражала. Она уже как-то говорила с ней, и тогда бабушка рассказала, где мать Рози может найти бабушкино кольцо, которого она обыскалась.

Дыша медленно, Рози наблюдала, как Сара поднимает руку за левое ухо. Она всегда делала так, когда слышала кого-то. Она будет постоянно трогать это ухо, то пощипывая, то потирая за ним, или склонять голову в другую сторону.

– Вау. Стой. – Голова Сары дернулась. – Есть еще голос. Громче. Очень громкий, и он пробивается.

Рози вскинула брови. Такого раньше никогда не случалось.

лось. Она склонилась вперед и тут же замерла, когда пламя свечей быстро затрепетало. Она нахмурилась, переводя взгляд между свечами. Пламя дергалось, словно от сквозняка, но тут не было даже потолочного вентилятора. Холодок пробежал по спине Розы, когда она почувяла что-то шестым чувством и подняла взгляд на Сару. Не тем шестым чувством, которое было у Сары. Ее восприятие не было так тонко настроено, но то же чувство она испытывала во время расследований, как раз перед тем, как случалось что-нибудь странное.

Сара потирала рукой за ухом.

– Это мужской голос... и он говорит... он считает, это красивое имя. – Она покачала головой. – Он тоже говорит о твоём имени, но...

Розы приказала растущей в груди надежде сдерживаться. Тот факт, что какой-то мужчина смог докричаться до них и он тоже знал, что ей не нравится ее имя, еще не означал, что это – Йен. Однажды она говорила с дедушкой точно так же, как говорила с бабушкой – это было три года назад, – и связывалась со своим двоюродным братом.

Хотя никто из них раньше не заговаривал о ее имени. Так что это было... странно.

Сара поджала губы, сморщив нос.

– Кто... Я не знаю. Я все слышу слово... «пионы»? Да, что-то про пионы. – Она открыла глаза. – Что такое с этими пионами?

Губы Розы разомкнулись в резком выдохе.

– Пионы – мои любимые цветы.

Медленно кивнув, Сара снова закрыла глаза.

– Ладно. Но есть что-то о... что-то о пионах сегодня?

– Сегодня? Я не... стой. Да. – Ее глаза распахнулись. Мать божья... – Я взяла пионы на кладбище. Я всегда беру. Каждый год.

Сара склонила голову набок.

– Ты там сделала что-то с этими цветами, верно? Он говорит... *помедленнее*, – тихо потребовала Сара. – Да. Ладно. Ты отдала эти цветы кому-то?

У Розы отвисла челюсть. Дрожь пробежала по телу. Пусть вокруг было много сверхъестественного, такие вещи по-прежнему пугали.

И она была немного напугана.

Сара никак, вообще никак не могла узнать об этом. Она даже Никки не сказала, что встретила на кладбище Девлина и говорила с ним.

– Да, – ответила Розы, сцепив руки на коленях. – Я действительно кое-кому отдала цветы.

– Половину, – поправила Сара. Сердце Розы пропустило такт.

– Он говорит, что это было мило с твоей стороны, – продолжила Сара, открыв глаза. Она не смотрела на Розы, но пристально вглядывалась в пламя свечей. – Он... Он... Прости. Он в некотором роде заполнил тут все, и половина его

слов не имеет смысла. – Теперь ее сердце понеслось вскачь. Неужели Сара наконец докричалась до Йена?

– Он меня слышит, верно? – Когда Сара отстраненно кивнула, Роза прерывисто вдохнула. – Наше тайное слово. – Взгляд Сары поднялся к ней.

– Это не Йен.

– Что?

– Это не он, – повторила Сара. – Я даже думаю, что этот дух не был знаком с тобой.

Ладно. Теперь она была напугана гораздо сильнее.

– *Что?*

– Это иногда случается. – Она вздрогнула, вновь сосредоточившись на пламени. Затем ее глаза распахнулись.

– Он видел тебя на кладбище, это точно.

Роза вновь склонилась вперед.

– Что он говорит?

– Он повторяет, что не принадлежит тому миру. Что не должен быть там. – Сара схватилась пальцами за мочку уха. – Я думаю, он хочет сказать, что не должен был умереть.

Ну, это не было совсем уж удивительно. Куча людей считала, что они не должны были умирать.

– Он рассержен. Очень зол. – Ее голова снова дернулась. – Что-то насчет пионов. – Она снова посмотрела на Розу. – Он говорит, ты не должна была давать ему цветы.

Внутри у нее все перевернулось. Ладно. Еще одна деталь, о которой Сара не знала. Роза не упоминала парня на клад-

бище. Говорил ли дух о Девлине?

– Почему?

Сара притихла.

– Неблагодарный, – пробормотала она, поджимая губы. – Ошибка. Он совершил ошибку. Он повторяет это.

– Кто?

– Не знаю. Не могу заставить его успокоиться. Он... Боже. – Она провела рукой по голове, приглаживая короткие пряди. – Он в ярости. Все кричит, что не должен быть тут. – Ее грудь поднималась в такт глубоким вздохам. – *Смерть.*

Рози склонила голову набок.

– Смерть, – повторила Сара, издав внезапный задыхающийся звук. – Он говорит что-то о своей смерти. Она не должна была случиться.

– Правда? – выдохнула Рози.

– Постой. – Сара тронула шею. – Он говорит... О, Боже. – Ее глаза распахнулись. – Нет. Я заканчиваю. Я не могу. Я прекращаю. Я разрываю эту связь.

– Хорошо. – Рози резко кивнула. – Разрывай. Разрывай.

Сара вдруг откинулась от кофейного столика и всплеснула перед собой руками. Ее глаза широко распахнулись.

– Он тут.

– Эм, я не понимаю.

– Он. *Тут*, Рози. – Ее взгляд впился в нее. – Не в метафизическом смысле. Разве ты не...

Громкий стук раздался сверху, словно гигантская рука об-

рушилась на потолок. Они обе вздрогнули.

Свечи затухли: все до одной.

– Матерь божья, – прошептала Сара, и Розы услышала, как она вскочила на ноги.

Мурашки побежали по рукам Розы, пока она пялилась в темноту, а ее сердце гулко стучало.

Она силилась что-то увидеть или услышать, но слышала лишь, как Сара метнулась к двери. Секундой позже гостиная наполнилась светом, и Розы поняла, что пялится на цветные подушки, раскиданные по дивану. Она медленно обернулась через плечо туда, где стояла Сара.

Сара пялилась на нее в ответ.

– Розы...

– Это случилось. – Ей казалось, что глаза сейчас выскочат из глазниц. – Это действительно случилось.

Дыша глубоко и быстро, Сара кивнула.

– Он продолжает повторять...

– Что?

– Он продолжает повторять... Боже, я даже не хочу произносить это вслух, но я должна. – Явно побледнев, она оттолкнулась от стены. – Он все говорит, что дьявол идет.

Глава 3

Рози знала лишь двух дьяволов: идеально припудренные пончики, виновные в том, что ее бедра были такими полными, и де Винсента.

Но мог ли дух говорить о де Винсенте? Или *он сам* был де Винсентом? Это звучало безумно, но...

Схватив бутылку вина, Сара села на диван рядом с Рози. Все лампы в ее квартире были включены, и Сара пресекла все попытки Рози связаться с тем – кем бы он ни был, – кто прорвался на эту сторону. Сара заявила, что сейчас духа здесь нет. Однако поскольку Рози медленно потягивала вино из бокала, в то время как Сара хлестала его прямо из горла, Рози сомневалась, что это правда.

– Такое уже случалось раньше? – спросила Рози, подтягивая ноги на диван.

Сара смотрела прямо перед собой, ее голубые глаза сфокусировались на розово-голубом гобелене, висящем за телевизором.

– Да. Не часто, но иногда духи вроде как... седлают других духов, чтобы просочиться в соединение. У меня были сеансы, на которых появлялись совершенные незнакомцы и хотели поговорить. То есть иногда дух знает человека, просто человек этого не осознает, но были случаи, когда в диалог вмешивались и совершенно посторонние духи. – Она повер-

нулась к Розе, подняв руку к шее. Снова потеряла ее. – Я думаю... Мне кажется, он пытался вселиться в меня.

Розе резко вздохнула.

– Ты серьезно? – Она кивнула.

– Это... Это плохо. – И это действительно было нехорошо. Вселение было не то же самое, что полная одержимость, тем не менее оно могло нанести вред разуму, телу и окружающим. Это происходило, когда дух запрыгивал в тело человека, чтобы общаться через него. Люди понимали, что говорят то, чего не говорили бы в нормальном состоянии. У них появлялся странный акцент, и даже жесты становились чужими. Когда человек испытывал вселение, он порой мог испытать то, что испытывал дух в момент смерти, а это кого угодно свело бы с ума.

Из собственного опыта расследований Роза знала, что лишь очень сильный или очень целеустремленный дух может запрыгнуть в живого человека.

– Знаешь, я впускала в себя духов во время сеансов, и они всегда ждали разрешения, но не этот. Он не ждал разрешения. Он хотел внутрь и был очень зол.

Чувствуя вину, Роза тронула Сару за руку и моргнула, когда почувствовала, как та чуть вздрогнула.

– Прости. Я...

– Это не твоя вина. Не стоит извиняться, но я должна сказать тебе не только потому, что ты моя подруга. – Все еще крепко, до белых пальцев сжимая бутылку с вином, она уро-

нила руку и повернулась к Розе. – Я практически уверена: этот дух не знал тебя лично, но у меня такое чувство, что он... он хотел поговорить с тобой, а не с кем-то другим, и это не ошибка.

Роза вскинула брови, теребя нижнюю губу. Услышать такое неприятно. Даже для нее.

– У тебя есть предположения, кто это может быть? – спросила Сара, делая еще один большой глоток вина. Роза легко могла стать маяком для духа, особенно учитывая все расследования, в которых она много лет участвовала вместе с КНОПкой. Несмотря на это, ей казалось, это не связано ни с одним из тех случаев. Она отвела взгляд от Сары, не уверенная, насколько основательны ее подозрения.

– Чего ты мне не договариваешь? – требовательно спросила Сара.

Сделав глубокий вдох, Роза склонилась вперед и поставила бокал на кофейный столик. На самом деле она не позволяла себе обдумывать свою короткую встречу с Девлином, потому что в этом не было смысла, но ей все же казалось, что у них было особое мгновение, разве нет? Та необъяснимая общность, которая ненадолго случается даже у незнакомцев.

– Ладно, это прозвучит еще более безумно чем то, что сейчас случилось, но когда я сегодня была на кладбище, увидела, как парень уронил цветы в лужу, – сказала она Саре. – Они были испорчены, и он их выбросил, а у меня цветов было более чем достаточно. Я разделила букет пионов, нашла

парня и отдала ему половину, потому что мне стало его жаль.

Сара медленно кивнула, делая новый глоток.

– Клянусь, я понятия не имела, кто это, пока не нашла его у мавзолея де Винсентов. Это был Девлин де Винсент.

– *Дьявол.* – Сара жестко, холодно рассмеялась. – Если он имел в виду прозвище, а не настоящего дьявола, то мне уже легче.

Рози фыркнула в ответ.

– Понимаешь, буквально каждый знает его прозвище, но никто не знает, почему его так зовут и как это все вообще началось. – Она дернула плечом. – Не знаю. Полагаю, прозвища им придумали в колледже на севере, но да, я бы тоже хотела знать, почему его так зовут.

– И я, – пробормотала Сара. – Что случилось после того, как ты отдала ему цветы?

– Мы поболтали пару минут, а потом я ушла. Я подумала, он пришел туда из-за отца. Ты знаешь, он недавно умер.

Сара побледнела, опустив взгляд.

– Разве он не...

– Да, покончил с собой. Я сказала, что слышала о смерти его отца и соболезную, а он поправил меня, сказав, что цветы для его матери, – продолжила Роза. – Я подумала, что он просто не готов был признать смерть своего отца, и я это вполне понимаю. Как бы там ни было, именно об этом были все эти разговоры о пионах. Я даже Никки не рассказала об этом, когда видела ее сегодня, ты же знаешь, она работает в

поместье де Винсент. Ты думаешь, это был дух Лоуренса де Винсента?

– Боже. – Сара откинулась на диване, прижав бутылку к животу. – Знаешь, это возможно. Он мог виться вокруг Девлина на кладбище, увидеть тебя и прицепиться к тебе.

– Но зачем? Я не знала его, и я не знакома с Девлином. Я впервые увидела его сегодня лично.

– Иногда это так и остается неясным, почему духи цепляются к кому-то.

Рози поджала губы.

– Это не клево.

Сара бросила на нее строгий взгляд.

– Большинство было бы сильнее напугано подобной перспективой.

– Большинство не охотится за призраками, – пожалала плечами Рози, но все же почувствовала некоторое беспокойство. Особенно при мысли о том, что это был рассерженный призрак. Она не была готова к подобному. – В конце концов, если меня будет преследовать призрак, то призрак де Винсента – это идеальный вариант.

Сара хихикнула, потом хлопнула себя рукой по губам.

– Это не смешно.

– Да. – Рози ухмыльнулась. – Совсем не смешно.

Сара откинула голову на спинку дивана.

– Но правда. Я не знаю, был ли это Лоуренс или кто-то еще, но я точно знаю, что он был зол и... я думаю... я ду-

маю, он сказал что-то еще, прямо перед тем, как я оборвала связь. – Она резко выдохнула. – Я не уверена, правильно ли расслышала. Он пытался запрыгнуть в меня, а мне это не было нужно, так что я его оборвала, но если это был Лоуренс...

– Что? Что, тебе кажется, он сказал?

Сара повернула голову к Розе.

– Я думаю, он сказал, что его *убили*.

Неудивительно, что Розе потребовалась масса времени, чтобы заснуть в ту ночь.

Вернувшись к себе и забравшись в кровать, она пялилась на бледные мерцающие звезды, наклепленные на потолок. Они не светились зеленым. Это был мягкий, переливающийся белый свет, но он все равно выглядел вульгарно.

Розе обожала его.

Эти звезды напоминали ей о бесконечном пространстве, и хотя это казалось странным, она находила утешение в том, что в этой большой схеме вселенной она оставалась лишь маленьким пятнышком.

Звезды помогали ей уснуть. Обычно помогали. Но не сегодня. Сегодня она могла думать лишь о сеансе с Сарой и о вопросе, который задала подруга перед тем, как она ушла.

«Ты скажешь что-нибудь?»

Розе фыркнула от смеха в относительно темной комнате. Скажет ли она что-нибудь? Кому? Девлину? Ага, этого не будет никогда. Она не хотела делать это не потому, что не

поверила Саре. Она поверила ей целиком и полностью. Сара вошла в контакт с кем-то, кто был очень зол и, возможно, был убит, но кто на всем белом свете поверит Розе, если она пойдет и заявит нечто подобное?

Одно дело то, что она охотно поверила тому, что сказала Сара, потому что и раньше Розе видела очень странную хрень, но кто-то, кто скорее всего не верит ничему сверхъестественному, даже если призраки живут прямо у него в доме, едва ли будет откровенен с незнакомцем, который явится к нему и бросит к его ногам такую бомбу.

Потому что звучать это будет как бред сумасшедшего.

Застонав, Розе перекатилась на бок, и ее взгляд скользнул по комнате, к зашторенному тяжелыми портьерами окну. Это было единственное окно в комнате. Она была благодарна изобретателю этих не пропускающих свет штор, потому что ни один проблеск Французского Квартала не проникал через окно.

Розе вздохнула.

Она никак не могла рассказать кому-то о том, что случилось сегодня. Она не знала де Винсентов достаточно, чтобы хотя бы приблизиться к ним, но она могла бы сказать Никки. Даже несмотря на то, что ее подруга верила в сверхъестественное, Розе не думала, что Никки сочтет хоть немного удобным рассказать кому-нибудь из де Винсентов то, что слышала Розе, потому что, опять же, это все прозвучит немного дико.

Кроме того – а всего *этого* было достаточно, чтобы Роза держала рот на замке, – они с Сарой не могли быть уверены в том, что это Лоуренс на короткое время ворвался в соединение. Духи не выходили на связь с обозначенным именем. Да, это было на него похоже. В конце концов, это имело смысл. Роза была на кладбище и отдала Девлину пионы. Как бы жутко это ни звучало, Лоуренс мог ошиваться и вокруг сына, и просто на кладбище, и по какой-то неведомой причине прицепился к Розе.

Снова перевернувшись на спину, она закрыла глаза и прерывисто вздохнула.

Все было возможно, а значит, дух действительно мог быть Лоуренсом. То есть он также мог быть кем-то, совершенно не относящимся к де Винсентам, и это было лишь странное совпадение, а может, это был другой де Винсент, не Лоуренс. Десятилетиями смерть косила эту семью самым драматическим образом. Они были прокляты! Множество членов семьи умерли, большинство странным и непонятным образом.

Но что... что, если это был Лоуренс? Что, если он как-то пробился в сеанс и хотел, чтобы стало известно, что он не кончал с собой? Что он был *убит*? Это было важно. Разве они не захотят узнать это?

На их месте она хотела бы знать. Она понимала, что ее взгляд на вещи уникален, но речь шла не о ней.

– Фу, – простонала она, переворачиваясь на живот и утыкаясь лицом в подушку.

«Дьявол идет».

Ее мысли все крутились и крутились, и спустя вечность, сбросив с себя половину одеял, она заснула. Она понятия не имела, сколько часов ей снился лимонный шербет, пока ее не разбудил пронзительный звон телефона.

Застонав, она слепо похлопала по прикроватному столику в поисках мобильного. Ее рука наткнулась на пустой пластиковый стакан, опрокинув его на пол.

– Проклятье, – пробормотала она, отрывая лицо от подушки. Сдув с лица густые завитушки, она потянулась и цапнула телефон. Прищурившись, она увидела на экране улыбающуюся Никки. Было то самое утреннее время, которое по мысли Розы даже нельзя считать утром.

Она ответила, откинув голову на подушку.

– Алло? – прохрипела она и поморщилась. Прозвучало так, будто она выкурила пятьдесят пачек сигарет.

– Розы? Это Никки. Я знаю... это очень рано, и я извиняюсь, – сказала Никки, и, даже не до конца проснувшись, Розы подумала, что она звучала странно, а в голосе слышались слезы. – Но мне нужна твоя помощь. Я в больнице.

Никогда в жизни Розы не подскакивала так быстро. Едва повесив трубку, она чуть не упала с кровати. Пока она искала черные леггинсы, которые выглядели бы хоть немного чистыми, в животе крутило от страха. Она натянула их вместе с черной майкой, похожей на балахон, надпись на которой

гласила: «Тут есть призраки!» Ее волосы всегда представляли собой такую копну, что не было смысла пытаться что-то сделать с ними, так что она просто схватила шарф и убрала их от лица. Слава Богу и всем известным божкам, что в бардачке хранился запас этих одноразовых зубных щеток. По дороге в больницу она почистила зубы, и когда она впервые увидела избитое и покрытое синяками лицо ждущей ее на улице Никки, солнце уже взошло, и сердце Розы раскололось надвое.

Она не могла поверить в то, что увидела, пока вела Никки в машину, и в то, что узнала после того, как, наконец, устроила Никки в своей спальне. Она села и попыталась осмыслить услышанное.

Никто не должен проходить через то, через что прошла Никки Бессон.

– Боже, – прошептала она, пялясь в кружку нетронутого кофе. Проведя ладонями по лицу, она резко выдохнула.

Никки могла умереть... Ее едва не убили.

Она опустила трясущиеся руки на колени и оглянулась через плечо на занавеску из бусин, которая отделяла спальню от гостиной. Прошлой ночью, пока Роза проводила экскурсию по местам с привидениями в Квартале, одна из ее ближайших и лучших подруг во вселенной сражалась за жизнь.

И сражаясь за жизнь, она убила того, кто напал на нее.

Рози содрогнулась.

Медленно ее взгляд скользнул обратно к открытому ноут-

буку на кофейном столике, который когда-то был столиком для игры в шахматы. Все случившееся уже стало бомбической новостью на сайте местных новостей. К счастью, слава богу, имя Никки не упоминалось, но это не продлится долго.

– Паркер Харрингтон... – Роза в неверии покачала головой. Она не знала Паркера лично, но слышала о нем. Харрингтоны были совсем как де Винсенты. Чрезвычайно богатые с длинной родословной, берущей начало в Новом Орлеане и Луизиане. Харрингтоны были настолько близки с де Винсентами, что старшая сестра Паркера была помолвлена с Девлином де Винсентом.

Человеком, которого она встретила меньше суток назад на кладбище.

Человеком, отец которого, вероятно, пробился сквозь Сару и сказал им, что он был убит.

А теперь брат его невесты пытался убить Никки... Никки, которая была, наверное, самым милым и добрым человеком на земле, которая проводила выходные в социальном центре по спасению животных, где была волонтером.

Никки защищалась стамеской для работы по дереву. Роза еще раз ощутила пробежавший по коже холодок, когда склонилась и подняла свою кружку. Судя по всему, Никки теперь не могла еще некоторое время возвращаться к себе домой. Там теперь место преступления, и, насколько понимала Роза, полиция просто оставит его как есть. Они уберут тело, но они не станут ничего чистить. Точно так же, как Роза вы-

нуждена была сама разбираться со всем, когда Йен покончил с собой.

Она ни за что не позволит Никки соприкоснуться со всем этим. Ни за что.

Чувство вины охватывало ее, пока она пристально смотрела в свой светло-коричневый кофе. Она любила сладкий, с большим количеством сахара и сливок. На самом деле, это был скорее сахар с примесью кофе. Но вот сейчас кофе отдавал горечью. Рози была дома у Никки в тот же день несколькими часами ранее, и, по словам Никки, Паркер появился через час или около того. Если бы Рози не ушла...

Мучиться всеми этими «если бы», «мог бы», «должен был бы» было хуже, чем жить в одном доме с призраками.

Она сделала глоток кофе и уже собиралась поставить кружку, когда услышала резкий стук в дверь. Она глубоко вздохнула.

Зовите это шестым чувством или как угодно иначе, но Рози вполне представляла, кто стоит за дверью.

Габриэль де Винсент.

Никки сказала ей, что он был в больнице, но она смогла ускользнуть от него. С той же секунды Рози поняла, что Гейб начнет вынюхивать, где Никки и где живет Рози. Встав, она обошла кофейный столик и прошла короткое расстояние до двери. Отодвинув засов, она приоткрыла дверь.

И оказалась права.

Там стоял Гейб во всем своем крутом, длинноволосом

де Винсентовском великолепии. Ее взгляд скользнул ему за плечо, и сердце прыгнуло в горло, а желудок упал. Гейб пришел не один.

С ним был Девлин.

Глава 4

О боже, она ждала Гейба, но не *его*, не его брата. На мгновение она была настолько поражена, что могла лишь пялиться на них. Она открыла было рот, но Девлин снял свои серебристые авиаторы, заправил их за воротник рубашки, а затем этот потрясающий взгляд цвета морской волны встретился с ее взглядом.

Он задаст ей столько вопросов, и как прикажете ему отвечать? Он совершенно точно спросит, почему она не сказала ему вчера, кто она, когда теперь стало очевидно, что она некоторым образом связана с его семьей. Поверит ли он, что она честно не думала, что увидит его когда-нибудь снова? Потому что она и вправду так считала.

Девлин смотрел на нее из-за спины Гейба. Смотрел *сквозь нее*. Его потрясающе привлекательное лицо было лишено эмоций и даже тени узнавания. Хотя он должен был помнить ее. Они встретились всего лишь *вчера*, меньше суток назад, и она считала, что между ними что-то промелькнуло.

– Так и думала, что вы доберетесь сюда, – сказала она Гейбу, а затем снова взглянула на Девлина, ожидая, что он скажет что-нибудь. Он смотрел на нее бесстрастно. – Не ожидала увидеть тут этого.

Дев шагнул в сторону.

– Прошу прощения?

И тут до нее дошло, что он на самом деле не узнал ее. Вау. Это был довольно грубый намек на то, что она не производит абсолютно никакого впечатления на мужчин.

Пораженная больше, чем стоило бы, она сосредоточилась на Гейбе.

– Вы тут из-за Никки?

– Да, – ответил он. – Вы собираетесь меня впустить?

Она стояла в проходе. Одна ее часть хотела впустить его, но другая знала, что у них с Никки еще совсем недавно было не все гладко. Почти все в ее черных списках заслуживали второго шанса, но она была практически уверена, что у Гейба этот шанс будет третьим.

– Посмотрим, – ответила она. – Только если вы наконец будете вести себя как порядочный мужчина.

– Кто эта женщина? – требовательно спросил Дев.

Рози резко вдохнула, мельком взглянув на него. Он и правда не вспомнил ее! Может быть, потому что она не выпалась. Может быть, потому что ее лучшая подруга чуть не умерла и была избита до полусмерти. Может быть, еще и потому что мужчина, видевший ее меньше суток назад, не узнал ее. Рози не была злопамятной. По большей части ей нравилось думать о себе как о симпатичной крутышке. И, конечно же, она могла превратиться в одержимую тигрицу, когда дело доходило до защиты тех, кто ей дорог, но она знала, что жизнь слишком коротка, чтобы оставаться мудаком и воспринимать все слишком серьезно.

Но именно в этот момент в полную силу проявила себя сидящая внутри нее разъяренная тигрица.

– Имя «Не», фамилия «Твоедело», – огрызнулась она, не сводя взгляда с лица Гейба. Его губы скривились, как будто он пытался проглотить улыбку.

– Я постараюсь.

– Постараться недостаточно, приятель. Уже недостаточно, – выпалила Роза в ответ и увидела удивление в таком похожем на взгляд Девлина взгляде. – Ваши попытки очень уж похожи на мои попытки не съесть последний пончик в холодильнике. Не очень-то они успешны.

– Хорошо, – ответил он. – Я все сделаю правильно. Это то, зачем я тут. Вы меня впустите?

Надеясь, что не совершает ошибку, она шагнула назад и распахнула дверь.

– Она в моей спальне.

Гейб вошел и кивнул ей.

– Спасибо.

– Не заставляйте меня пожалеть об этом, – тихо сказала она. – Потому что вам не понравится, если я об этом пожелаю.

Гейб улыбнулся, и Роза вынуждена была признать, что у него приятная улыбка.

– Не стану.

– Хорошо.

Он скользнул мимо нее, после чего Девлин перешагнул

порог. Она готова была поспорить, у него тоже была приятная улыбка. Человек, который проговорил с ней накануне добрых десять минут, даже не смотрел в ее сторону.

Он смотрел прямо перед собой, туда, куда шел брат.

– Это что, действительно штора из бус?

Она нахмурилась от того, как это было сказано. Это звучало, будто... будто он только что увидел голого старика, трясущего своими причиндалами. Всего день назад он говорил совсем другим тоном. Конечно, это был не бог весть какой долгий разговор, но... В его голосе не было этого холодного отращения.

Отбросив мысли о его тоне, она огрызнулась:

– У вас какие-то проблемы с этим? Не соответствуют вашему вкусу или классу? – Ее все еще раздражало, что он не мог ее вспомнить.

– Готов поклясться, большая часть тех, кому уже исполнилось двенадцать, находят их безвкусными.

– Веди себя прилично, – сказал Гейб Девлину, раздвигая шторы и скрываясь в спальне.

С трудом сглотнув, она повернулась к Девлину. Если он считал, что шторы из бусин – это по-детски, то хорошо, что он не увидит светящиеся в темноте звезды у нее на потолке. Она открыла рот, но поняла, что совершенно не знает, что сказать.

Он даже не вошел в квартиру, застыв на пороге, словно железная решетка. Он стоял так, будто не мог заставить се-

бя сделать еще хоть шаг, и все еще смотрел на занавески из бисера.

На какое-то мгновение Роза позволила себе очароваться: ну, знаете, когда вас гипнотизирует чья-то красота или чей-то член, и вы закрываете глаза на все недостатки этого человека. Именно это она и сделала. Всего на несколько секунд она позволила себе проигнорировать тот факт, что мужчина совершенно ее не помнит и пялится на бисерные занавески, будто они – преступление против человечества, и просто окунулась в его недвусмысленную притягательность.

Девлин был одет так же, как и за день до этого: в белую хлопковую рубашку с мелкими пуговицами, аккуратно заправленную в лиловато-серые брюки. Его туфли были так начищены, что Роза могла бы, наверное, разглядеть в них свое отражение. У де Винсентов была хорошая наследственность, и она отлично проявилась в Девлине. С его высокими скулами и сильной линией подбородка, он обладал лицом, которое она хотела бы запечатлеть, просто чтобы увековечить в памяти эти углы и плоскости.

Волосы его были идеально уложены, и у Розы возникло дикое желание запустить в них пальцы и взъерошить. К сожалению, даже при всей его привлекательности и при том, что она очевидно запала на него, Девлин, судя по всему, был первоклассным сукиным сыном из того класса богатых и привилегированных сукиных детей, которые относились ко всему миру как к устрицам на своей тарелке.

Она сложила руки на груди.

– У вас и правда проблемы с занавесками из бусин, да?

Отвечая, он даже не взглянул на нее.

– А у кого нет? Это занавески из бусин.

Никогда за тридцать три года жизни на этой планете Розы не встречала никого, кто так *оскорблялся* бы занавесками из бусин. А она за свою жизнь повидала много странностей. Однажды она видела, как книга сама собой слетела с полки. Она видела, как мертвец поднял руку: посмертный спазм, но страшно было до чертиков. Дважды она видела полнотелого призрака, который до сих пор занимал топовую строчку в списке удивительных вещей, свидетелем которых она стала. Всего лишь прошлым вечером незнакомец прорвался в ее спиритический сеанс: незнакомец, который мог быть отцом этого мужчины. И она видела кучу странностей на заполненных народом узких улиц Французского Квартала ежедневно, ежечасно и постоянно.

Но некто, кто оскорбляется занавесками из бусин? Подобное она видела впервые.

Боже, это утро... Последние двадцать четыре часа... Были полностью ненормальными.

– Они хоть из настоящего дерева? – спросил он.

Вздыхнув, она изогнула бровь.

– Да, они сделаны из ДСП, и да, я купила их в местном Волмарте.

Девлин так и не повернул головы в ее сторону, но его

взгляд скользнул к ней.

– ДСП – это не настоящее дерево.

– Разве его делают не из древесной стружки? А насколько я помню, древесная стружка – это дерево.

– Там еще есть опилки и синтетическая смола, – ответил он.

– И что?

– Это не настоящее дерево.

– Ну и пусть.

– Ну и пусть?

– Да, *ну и пусть*, – повторила она.

Теперь он наконец повернулся к ней, стоящей за кофейным столиком.

– Нельзя отмахиваться от того факта, что ДСП – это не настоящее дерево.

Рози тихо рассмеялась.

– Поверить не могу, что вы до сих пор говорите о ДСП.

По его лицу мелькнул проблеск удивления.

– А я верить не могу, что вы считаете ДСП настоящим деревом.

Когда она развернулась и пошла к дивану, у нее вырвался еще один смешок.

– Вы все еще говорите о ДСП.

– Вовсе нет.

– Нет, да. – Она плюхнулась на подушку дивана – наверное, единственный предмет в квартире, который хоть чего-то

стоит, – и взяла кружку, надеясь, что кофе не успел остыть. – Эти занавески из бусин ужасно чудесные, из ДСП они или нет. Так что не говорите ерунды о моих суперкрутых шторах из бусин.

– Это шторы из бусин, – сказал он так, как будто указывал на огромного таракана у нее на стене.

Этот мужчина испытывал ее доброту и терпение как никто другой.

– В детстве вас обидели занавески из бусин? – Она закинула ноги на кофейный столик, скрестив лодыжки. – Они не хотели дружить с вами или что-нибудь в этом роде?

Взгляд его стал жестче. Все его лицо, казалось, стало жестче.

– Занавески из бусин – это неодушевленные предметы, не способные ни обидеть человека, ни дружить с ним. Простой двери тут было бы достаточно, разве нет?

Ухмыльнувшись, она еще глотнула кофе.

– Достаточно? Представляю себе.

Его ноздри затрепетали.

– Слушайте, я не из тех, кого задевают занавески из бусин, так что прошу прощения за искренний интерес. Может, вас ударила такая занавеска? Эти штуки могут больно бить.

– Уверен в вашем искреннем интересе.

– Точняк, – пробормотала она.

Он подошел к ней медленным, выверенным шагом.

– И как часто вас били занавески из бусин?

Она фыркнула.

– Чаще, чем я готова признать.

В его глазах цвета морской волны появился странный огонек, как будто это его заинтересовало.

– Почему бы вам просто не поставить дверь? Это предполагает большую приватность.

– Почему бы вам не выйти в дверь прямо за вами? – парировала она.

Странное выражение в его глазах разгорелось сильнее.

– Вы только что велели мне уйти?

– Уверена, так оно и прозвучало.

Он пристально смотрел на нее, прошла долгая минута.

– Знаете, нормальный хозяин предложил бы гостям выпить.

Ее хватка на кружке окаменела.

– Насколько я помню, вы тут не гость.

– А почему вы так считаете?

– Ну, в основном потому, что я чертовски уверена, что не приглашала вас к себе домой, чтобы вы изгалялись над моими занавесками из бусин.

– Если я правильно помню – а я помню, – вы открыли дверь и впустили меня.

Она выдержала его взгляд.

– Ваши воспоминания ошибочны. Я впустила вашего брата. Вы сами вошли за ним, а затем продолжили тем, что начали издеваться над дизайном моей квартиры.

Девлин рассмеялся: издал глубокий, хриплый смешок, который, казалось, удивил его самого, потому что мужчина тут же замолчал. Смех не удивил ее. К ее раздражению, он породил теплый крошечный комок внизу ее живота. Ей понравился его смех, пусть он и прозвучал резко.

– Дизайн квартиры? – усмехнулся он, и Роза напряглась. – Эта квартира выглядит так, будто ее обставляла двенадцатилетка, помешанная на «Икс Файлах» и второсортных фильмах ужасов.

– Окей, список ваших прегрешений пополнился нападками на Скалли и Малдера. – Она поставила кофе на столик у дивана. – Я серьезно.

И что не так с второсортными ужасиками? Она обожала убивать ленивый полдень воскресенья просмотром кошмарно срежиссированных хорроров про зомби.

Он отвернулся от нее, просматривая книжные полки, выстроившиеся по обе стороны от телевизора.

– Это энциклопедия призраков?

– Разве там не видно названия?

Оглянувшись через плечо, он пронзил ее явно насмешливым взглядом.

– Как может существовать энциклопедия призраков?

На мгновение она растерялась, не зная, как ответить на этот вопрос. Часть ее хотела объяснить, как такое возможно. Она подавила бессмысленный порыв.

– Вы де Винсент.

– Да. – Он вновь посмотрел прямо на нее. – Спасибо, что напомнили.

Она проигнорировала этот комментарий.

– Вы живете в доме, который, по слухам...

– Населен призраками, а семейные владения прокляты, – оборвал ее он. – Да, я знаю. Я действительно живу там, и я – де Винсент.

– Так как, в вашем доме есть призраки? – спросила она, уже зная ответ на этот вопрос.

Девлин поджал губы.

Не в силах сдержать порыв, она хлопнула в ладоши.

– Знаете, я ведь член команды по паранормальным исследованиям.

– И почему я не удивлен? – сухо ответил он, обходя кофейный столик. Теперь он был по другую сторону дивана. – Как она называется? Исследование душевнобольных?

Теперь *она* поджала губы.

– Хорошая попытка, но нет. Она называется Команда Нового Орлеана по Паранормальным исследованиям.

– Команда Нового Орлеана по Паранормальным... стойте. – Он вскинул темные брови. – Она называется КНОПка?

– Да. Здорово, правда?

Он не успел даже открыть рта, как по его насмешливому взгляду стало понятно, что он считает это невероятной глупостью.

– Вы ведь шутите, да?

– Нет, не шучу.

– А вы член команды по исследованию всех этих анекдотов?

Рози почувствовала, что ее внутренняя стервозная тигрица напряглась. Ладно, теперь он действительно зашел слишком далеко.

– В том, что мы делаем, действительно нет ничего смешного. Можете оставаться неверующим. Ладно. Но не нужно стоять в моем доме прямо передо мной и оскорблять меня.

– Неверующим? – пробормотал он.

Гнев пронзил ее, когда она взглянула на него. Если у нее оставалось хоть малейшее сомнение в том, что она должна рассказать ему о том, что случилось прошлой ночью у Сары, то теперь сомнений не было. Если кто-то живет доме, в котором живет он, и все же не верит в потустороннее, то он не поверит и в то, что она общалась с его отцом. И это было отвратительно, потому что если этот дух был Лоуренсом и если то, что он сказал, было правдой, то Девлин должен знать... вся его семья должна знать.

Но она не собиралась ему ничего рассказывать.

– Что вы вообще тут делаете? Гейбу что, нужен сопровождающий?

Он вновь пошевелился, сделав еще один тихий шаг туда, где она сидела.

– Почему я тут, не ваше дело.

Рози всплеснула руками.

– Вы в моем доме, так что это мое дело.

– Это не ваш дом.

– Что?

– Это ваша *квартира*.

– Вы серьезно? – Она коротко хохотнула, глядя в сторону.

Почему красивые парни обычно такие придурки? – Поразительный вы человек.

– Да, я такой.

– Это был не комплимент.

– Вы уверены?

– Да, уверена.

– Хм... – Прозвучало это крайне пренебрежительно.

Ей пришлось заставить себя разжать пальцы.

– Я думаю, вы – самый зажатый человек из всех, кого я знаю.

– Вы ничего не знаете обо мне.

– Я знаю достаточно, чтобы понять, что вам нужно хобби или свободное время. Может быть, другой режим тренировок, а может, нужно потрахаться, чтобы снять стресс. Хоть что-то, чтобы хоть немного расслабиться.

Он раскрыл рот, уставившись на нее. Выглядел он так, будто был *в смятении*. Или был готов прижать руку к груди от шока.

– Вы серьезно только что сказали мне, что мне нужно потрахаться?

Рози закатила глаза.

– Вы серьезно только что доказали, что я была права?

Прошла минута.

– Предлагаете помочь мне?

Челюсть у нее отвисла так быстро, что она была уверена – в рот успела залететь пара мух. Она была практически уверена, что он помолвлен с Сабриной Харрингтон. Хотя, опять же, поскольку братом Сабрины был Паркер, который только что пытался убить Никки, вероятно, эта помолвка будет расторгнута.

Внезапный звук, раздавшийся из спальни, привлек ее внимание. Было похоже на всхлип. Ее кольнуло беспокойство, и она спустила ноги со столика, начав вставать.

– Нет.

Она повернула голову к Девлину.

– Прошу прощения?

– Не мешайте им.

Рози встала и выпрямилась, упершись взглядом прямо в грудь Девлина. Это небольшое наблюдение заставило ее вздрогнуть всем телом. Высокие мужчины были... просто пальчики оближешь. К сожалению, личность конкретно этого выглядела совершенно неаппетитно.

– Прошу, скажите, что у меня что-то со слухом и вы не командовали мной только что.

– Мой брат там с Никки. Он ей нужен, и он должен быть там ради нее, – сказал он тихо. – Он ее любит.

Рози захлопнула рот, а потом переспросила:

– Гейб любит ее?

Девлин бесстрастно кивнул.

– Вау. Вы, кажется, чертовски рады этому.

Он сложил руки на груди, прищурился.

– Что? – требовательно спросила она, копируя его жест и складывая руки на груди. – Не одобряете их с Никки отношений? Считаете, она недостаточно хороша...

– Я не одобряю практически никаких отношений, – перебил он ее. – Меня немного беспокоит разница в возрасте, но если вы намекаете на то, что она – дочь наших служащих, то это ваша ошибка, не моя.

– Стойте... вы не одобряете никаких отношений? А разве вы не помолвлены?

– Уже нет.

Ну, это подтверждало ее подозрения.

– Но вы *были* помолвлены.

– Какое отношение это имеет к данному разговору?

Рози целую минуту смотрела на него, прежде чем смогла подобрать слова.

– Разве у вас не было отношений, пока вы были помолвлены? Разве вы не любили...

– Вы не обязаны любить кого-то, чтобы быть с ним в отношениях или быть помолвленным, – оборвал он ее, и глаза Рози распахнулись.

– Вау, – проворкотала она, садясь обратно. – Зачем вы с

собой так?

– Как?

На лице его отразилось замешательство.

– Жениться на ком-то, кого не любите? Зачем вы хотели втянуть себя в подобную авантюру? – спросила она с искренним любопытством в голосе. – Еще и втянуть в это другого человека?

Тень скользнула по его лицу, и Розы мгновенно поняла, что пересекла некую незримую черту. И тут же осознала, что здесь кроется целый город линий, который предстоит пересечь.

Лицо Девлина закаменело гранитом, когда он уставился на нее сверху вниз.

– Мне кажется ироничным то, что вы сидите тут, осуждая мою расторгнутую помолвку, как будто вы – кладезь знаний обо всем подобном, когда вы явно не замужем и не помолвлены, живете в квартире с занавесками из бусин и книгами о призраках.

Розы резко вздохнула, и вздох обжег ее горло. Может она и переступила нечаянно некую черту, но он просто нагло шел напролом.

– Я была замужем, ты, чертов засранец. Я любила своего мужа, а он любил меня. – Потянув руку к шее, она зацепила золотую цепочку и вытащила ее из-под ворота. – Так что, хоть он и не ходит больше по этой земле, я все еще сижу тут в своем фонтане знаний, точно зная, каково это, выйти за

кого-то по любви, а потом потерять его.

Сожаление мелькнуло в его взгляде, а линия подбородка смягчилась.

– Я...

– Не извиняйтесь, мне все равно, – отрезала она, хватая кружку. Чуть теплый кофе выплеснулся через край на ее пальцы. Девлин пристально посмотрел на нее и отвернулся. Разговор тут же резко оборвался. Девлин отступил к дверям балкона, выходящего на улицу Шартре, и уставился в телефон. Розы включила телевизор и да, намеренно открыла коллекцию записей и запустила один из эпизодов «Мертвых файлов».

Тяжелый вздох Девлина, сообразившего, что она включила, несколько приподнял ее настроение, отвлекая от мыслей о том, как странно может сложиться жизнь. Минуты тянулись как часы. Розы проверила, как там подруга, тихо пройдя к занавескам и чуть раздвинув их, пока шла поставить кружку в раковину. В комнате было темно, но она различила фигуры Никки и Гейба. Он обнимал ее так крепко, что их силуэты сливались.

Это зрелище стало веским аргументом к тому, чтобы вычеркнуть его из списка Парней «Которым Стоит Разобраться со Своим Дерьмом».

Когда Розы обернулась, Девлин все так же тихо стоял у дверей балкона. Ее взгляд переместился к маленькой кухоньке, и она решила, что настала пора для маленькой убор-

ки, которая помогла бы усмирить ярость. Она стояла у раковины, потянувшись к дверце под ней, чтобы достать чистящие средства, когда Девлин заговорил впервые за час:

– Вы солгали мне.

Ее рука дернулась.

– Что?

Он все еще стоял к ней спиной.

– Вчера. Когда вы сказали, что не знали, кто я, вы, очевидно, знали.

Рози раскрыла рот, распрямляясь.

– То есть вы все-таки меня помните.

Он помолчал минуту.

– Как я мог забыть?

Она нахмурилось.

– А выглядело это именно так.

– Я удивился, увидев женщину, которая принесла мне на кладбище цветы, – ответил он, и пустые руки Рози опустились на стол. – Ту же женщину, которая заявляла, что она не знала, кто я.

Она попыталась сосчитать про себя до десяти, но смогла добраться лишь до пяти.

– Я знаю, что в это трудно поверить, но я действительно не знала, кто вы, когда увидела, как вы уронили цветы.

– Тогда почему вы не сказали, кто вы, когда поняли, кто я?

Это был хороший вопрос. Тот, на который у нее не было приличного ответа, и потому она решила сказать правду:

– Потому что я подумала, что никогда больше вас не увижу. Не имело значения, кто я такая.

– Нет, имело. – Девлин теперь повернулся к ней лицом, и она уже практически жалела об этом. Его пристальный взгляд нервировал ее. – Потому что я теперь совершенно точно знаю, кто вы, Роззи Герпин.

Глава 5

Желудок Розы сжался, а по лопаткам пробежала мелкая дрожь.

– Да. Думаю, мы только что установили это. Я – женщина, которая была чрезвычайно мила с вами и принесла вам пионы.

Он сделал шаг вперед.

– Вы также женщина, которая познакомила Никки с Россом Хайдом.

Дерьмо! Это была правда.

Черт побери, как только она увидит Росса Хайда снова, то тут же врежет ему по горлу.

Она познакомилась с Россом около двух лет назад, когда он писал дурацкую книгу о призраках Французского Квартала. Он разыскал ее, чтобы взять интервью, и они поладили, так как она оценила его ум, а он нашел забавным ее саркастичность. Она и подумать не могла, что он так воспользуется их дружбой.

– Человеком, оказавшимся журналистом, одержимым желанием уничтожить мою семью. – Каким-то образом Девлин оказался еще ближе, так, что она даже не заметила его движения. – И если вам интересно, поверил ли я хоть на секунду, что вы в тот день не знали, кто я такой, то нет.

Розы почувствовала заливающий лицо жар и изо всех сил

постаралась отвечать тихо, так, чтобы их не услышали:

– Ладно, давайте кое-что проясним. Я не знала, что Росс хочет встретиться с Никки, потому что та работает на вашу семью или из-за ее связи с Гейбом. Я *никогда* не поступила бы так с подругой.

Он промолчал, склонив голову.

– Росс также знает, что ему сейчас ко мне лучше не приближаться, потому что я страшно разозлилась, когда узнала, что он использовал меня, чтобы добраться до Никки, а видеть меня в гневе никому не захочется, – сказала она, шагнув к нему. – В последний раз я не знала, кто вы, пока не увидела вас стоящим перед гробницей де Винсентов.

Девлин теперь стоял так близко, что она чувствовала запах его одеколona. Это был свежий цитрусовый аромат, смешанный с древесным запахом тика. Другими словами, от него пахло очень, очень хорошо, и если бы он не был таким придурком, ее женское начало оценило бы такой выбор одеколona.

Один уголок его губ слегка изогнулся. Ухмылка.

– Вам стоит узнать обо мне кое-что.

– Не думаю, что мне нужно знать о вас что-то еще.

Она развела руками.

Он издал сухой, сардонический звук, не очень-то похожий на смех.

– Ну, вам стоит знать, что я знаю все, а если натыкаюсь на что-то, чего не знаю, то быстро это узнаю. Поэтому я, конеч-

но же, узнал, что Росс пытался добраться до моей семьи через Никки. И *ничего не стоило* обнаружить, что связью между ними была Роза Герпин. Мне сказали лишь ваше имя.

Окей. Вот это уже звучало по-настоящему пугающе. Желание подчеркнуть, что эго у него больше, чем озеро Понтчартрейн, пропало само собой.

– Кто сказал?

Он проигнорировал этот вопрос, опустив подбородок еще на дюйм.

– Мне следовало узнать, как вы выглядите. Это моя ошибка, но теперь я знаю это.

– Кто сказал вам мое имя? – требовательно спросила она.

Девлин улыбнулся ей, и это была натянутая, холодная улыбка.

– Если вы когда-либо сделаете еще хоть что-нибудь, что поставит под угрозу мою семью, а это включает в себя и Никки, вы не просто пожалеете об этом. Вы меня понимаете?

Эта ледяная улыбка и слова должны были напугать ее, но они лишь разозлили ее еще сильнее.

– Вы серьезно стоите в моем доме и угрожаете?

Его подбородок опустился еще ниже, и их губы оказались на одной линии, словно они были любовниками.

– Я уверен, что мы уже определили, что это не дом, а квартира.

Роза не была уверена, что стало последней каплей, заставившей ее забыть о разъяренной тигрице и перепрыгнуть

сразу к тигрице, дающей по морде лапой. Может, это был намек на то, что она способна чем-то угрожать Никки, или, может, тот факт, что у него хватило наглости угрожать ей. Дьявол, да в тот момент ее выводил из себя сам факт его присутствия.

Как бы там ни было, Роза вскинула руку, не думая. Она не собиралась бить его, хотя это доставило бы ей такое удовольствие, от которого стоило бы забеспокоиться психотерапевтам всей страны. Она подняла руку, чтобы оттолкнуть его.

Но этого не случилось.

У Девлина были рефлексы чертова кота – он поймал ее запястье раньше, чем она хотя бы имела удовольствие коснуться его. Она задохнулась от удивления, а его глаза превратились в щелки.

– Вы собирались ударить меня?

– Нет, – ответила она, кипя и жалея, что ее глаза не испускают смертельные лучи.

– Мне так не показалось, – ответил он смертельно мягким тоном.

– Ну, мне кажется, что вы много чего видите не так, как оно есть на самом деле, – огрызнулась она, дергая руку, но он не отпускал ее. – Я собиралась оттолкнуть вас, поскольку вы, знаете ли, вторглись в мое личное пространство.

– Я не вторгался в ваше личное пространство. – Под скулами у него заходили желваки. – Это вы вторглись в мою жизнь.

Ладно, это было в некотором роде так.

– Есть кое-что еще, что вам стоит знать. – Он потянул ее за руку, и, прежде чем Роза успела отреагировать, его грудь внезапно оказалась прижата к его груди. Соприкосновение было внезапным и вызвало бурю ощущений.

– Я никому не угрожаю. Я обещаю.

Она глубоко вздохнула и тут же пожалела об этом, потому что ее грудь прижалась к его груди еще сильнее и... Боже, внутри у нее все перевернулось, и это было *не* неприятно. Она почувствовала, как затвердели соски, и начала молиться о том, чтобы он не почувствовал их сквозь невероятно тонкую, поношенную рубашку, которую она надела сегодня, и кружевной тонкий бюстгальтер, в котором она спала.

Тем не менее она не отпрянула.

– Кажется, вы не знаете, как правильно разговаривать, потому что все это звучит как угроза.

– Разве? – спросил он, и голос его стал глубоким и хриплым. Его взгляд затуманился. – Если это была угроза, то, кажется, она не сработала.

– Это почему?

Девлин чуть-чуть шевельнулся, и следующий вздох застрял у Розы в горле. Она почувствовала что-то своим животом. Что-то твердое. Это значило только то, что он предельно возбужден.

Как и она.

И они оба, очевидно, были сумасшедшими, потому что

она только что пыталась оттолкнуть его, а он просто угрожал ей, но при этом оба они были крайне возбуждены, и, скорее всего, ей действительно придется искать психотерапевта.

Эти густые ресницы поднялись, и его глаза устремились к ее лицу. Он как будто ждал, что она скажет что-нибудь или отстранится, но она лишь удерживала его взгляд, пока в животе у нее сжималась жаркая пружина.

Взгляд Девлина скользнул ниже, и полные губы разомкнулись.

– Мне кажется, эта угроза подействовала как-то совершенно иначе.

Это была правда. По множеству неправильных причин это была правда, и Роза закусил губу, когда ее бедра дернулись сами собой.

– Так и будем притворяться, что ты меня не чувствуешь? – довольно спокойно спросил он.

– Да, – огрызнулась она.

– И как тебе это?

– Просто прекрасно. – В ту секунду, как эти слова сорвались с ее губ, она осознала, как глупо это звучит.

Губы Девлина дернулись, и она захотела, чтобы он просто...

Из спальни донеслись шаги, и они оба отреагировали моментально. Девлин отпустил ее запястье, как будто ее кожа жгла его, а Роза, превратившись в кенгуру, отскочила на добрый фут.

Занавески раздвинулись, задрезжав, когда бусины застучали друг о друга. Она надеялась, что выглядела более-менее прилично, а не так, будто она была лишь в шаге от того, чтобы не начать тереться о Девлина, словно кошка, разъяренная в течке.

Гейб крепко обнимал Никки за плечи и, казалось, вовсе не удивился тому, что Девлин еще тут, но, стоило Рози увидеть Никки, она тут же забыла о том, что происходило между ними с Девлином. Рози почувствовала легкий укол совести. Пока она была тут, ругаясь с Девлином, Никки там мучилась от боли и переживала воплотившийся в жизнь кошмар.

Рози поежилась. Почему-то синяки теперь выглядели еще хуже. Она поспешила к ней со своего места.

– Привет, милая. Как ты себя чувствуешь?

Никки попыталась улыбнуться, но улыбка вышла похожей на гримасу.

– Лучше. Я чувствую себя лучше.

– Это хорошо. – Она бросила взгляд на Гейба, почувствовав, что Девлин придвинулся ближе к ним.

– Я поеду к Гейбу, – сказала Никки, и, если бы лицо ее не было сейчас одним сплошным синяком, Рози могла бы поклясться, что она вспыхнула.

– Хорошо. Я могу чем-то помочь?

– Ты и так уже много сделала, – ответила Никки.

– Спасибо, что забрали Никки сегодня утром, – вклинился Гейб.

– Я ничего такого не сделала, так что не за что. – Роза потянулась, осторожно поцеловав одно нетронутое синяками пятнышко на щеке Никки. – Напиши мне, когда будешь в силах, ладно?

– Обязательно.

После этих слов Роза повернулась к Гейбу и встретила его пристальный взгляд.

– Позаботься о моей девочке.

– Всегда, – ответил Гейб.

Она секунду держала его взгляд: достаточно долго, чтобы он, без сомнения, понял, что, если он снова обидит Никки, она найдет колдунью вуду, чтобы проклясть его.

Медленная, легкая улыбка тронула губы Гейба, а затем он повернулся и повел Никки к двери. Девлин был уже там, открывая им дверь. Роза поплелась следом.

Девлин уже вышел в коридор, когда она схватила ручку двери. Он повернулся и посмотрел на нее, открыв рот.

– Вся эта желтая пресса ошибается, – сказала она, встретив его взгляд цвета морской волны. – Они называют вас Дьявол, но им стоило бы называть вас Дебиллом.

И с этими словами она захлопнула дверь перед лицом Девлина де Винсента.

– Живой или мертвой? – Последовала пауза. – Или вы предпочли бы, чтобы объект просто исчез?

Сидя в воскресный полдень в тускло освещенной кабинке

«Красного жеребца», Девлин в тот момент решал, жить кому-то, умереть, или... как удачно выразился Арчи Кар, просто исчезнуть.

Откровенно говоря, он хотел, чтобы *объект* умер и был стерт из памяти.

Это заставило бы его улыбнуться, но, проводя пальцем по краю тяжелого бокала, он знал, что не может позволить личным чувствам к этому человеку встать у него на пути. У него были вопросы, и ему нужны были ответы.

– Живой, – ответил он. – За это заплачу больше. – Странно, как убийство может оцениваться меньше, но, опять же, сохранение чьей-то жизни часто сопряжено с рисками. Дев это понимал. – Вдвое.

– Намного больше.

Дев медленно поднял взгляд на мужчину, сидевшего напротив. Арчи был его ровесником, но служба в ЧВК измотала и ожесточила его, он выглядел гораздо старше своих тридцати восьми лет. Но этот человек представлял собой смерть, и Дев полагал, что часть этих глубоких морщин на бледной коже вокруг глаз Арчи появились в результате того, что он делал за деньги.

Люди лгут, когда говорят, что за деньги нельзя купить все.

Деньги могут обеспечить все, что угодно. Жизнь. Смерть. Любовь. Безопасность. Защиту. Прощение. Счастье, или, по крайней мере, улыбку радости. По собственному опыту Дев знал, что купить или выменять можно *все что угодно*. Толь-

ко наивные или эмоциональные люди верили в иное, и Дев никогда не встречал человека, которого нельзя было быкупить тем или иным образом.

– Вдвое, – повторил Дев.

Арчи внимательно смотрел на него минуту, потом кивнул.

– Что у вас есть для меня?

Указательным пальцем он подвинул к Арчи закрытую папку.

– Тут есть все, что тебе нужно.

Рыжий мужчина взял и открыл папку. Он издал резкий, низкий смешок.

– Интересно. Это связано с тем, о чем все выходные трубили в новостях?

Дев ничего не ответил, и этого было достаточно. В новостях больше говорили о попытке Паркера Харрингтона совершить убийство и о его последующей смерти. Это был лишь вопрос времени, прежде чем сестра Паркера, его бывшая невеста, будет объявлена семьей пропавшей. Сабрины не было нигде. Но она ведь была где-то. И он собирался найти ее раньше, чем кто бы то ни было.

Арчи закрыл папку.

– А когда я обнаружу объект?

– Ты знаешь место, там, в Байуотере.

– Код тот же?

Он кивнул.

– Кстати, у вас есть пистолет? Просто на тот случай, если

эта сумасшедшая вернется к вам, – спросил Арчи.

– Конечно. Есть еще кое-что, что я хотел бы, чтобы ты для меня сделал.

– Я весь внимание. – Арчи закинул руку на спинку дивана.

– Я хочу, чтобы ты расследовал кое-что, связанное с моим дядей. – Арчи вскинул брови, отчего на лбу появились морщины.

– Сенатор.

– Он единственный живой, мой дядя, не так ли? – Дев сцепил пальцы вокруг бокала. – Я хочу, чтобы ты нашел все, что можно, об этом его интерне.

В глаза Арчи вспыхнул интерес.

– Той, что пропала? Андреа Джоан?

– Да.

Он, по-видимому, обдумал это.

– Считаете, она мертва?

Дев долго молчал.

– Надеюсь. Ради ее же блага.

– Боже, – пробормотал Арчи. Он был одним из тех немногих, кто понимал, что значат слова Дева, поскольку он знал десятую долю того, что знал Дев. И Дев был уверен, этого хватало, чтобы Арчи страдал от бессонницы. – Сделаю.

– Идеально.

– Кстати, о сенаторе. Ты получил от меня новости, связанные с твоими подозрениями?

– Риц-Карлтон, пока меня не было в городе? – спросил

Дев.

Арчи кивнул.

– И много раз до этого, судя по информации моих контактов.

– Да. – Сделав глоток, он с удовольствием приветствовал чувство жжения, возникшее, когда янтарная жидкость потекла по горлу. – Я буду ждать вестей от тебя.

Кивнув, Арчи отошел в конец кабинки и остановился там. Посмотрел в глаза Деву.

– Я видел дерьмовые вещи. Смотрел злу в глаза, потому знаю, что у зла *есть* лицо. И порой меня ужасало то, что я видел, и те, с кем я сталкивался. А вы? Никогда не видел, чтобы вы улыбались. Вы меня немного пугаете.

Дев вскинул бровь.

Арчи ухмыльнулся.

– Я буду на связи.

Наблюдая, как Арчи выскользнул из кабинки и исчез в тенях, Дев допил свой бокал бурбона и подумал о том, в чем признался ему Арчи.

«*Вы меня немного пугаете*».

Он пугал даже собственных братьев. Хотя у них и не было на это причин, но он их понимал. В конце концов, он был готов пойти *на это*, чтобы защитить своих братьев, сделать невозможное. Но они не знали того, что знал он. И все останется так.

Он был их щитом, и он всегда им будет.

– Еще бокал?

Дев перевел взгляд на Джастина, одного из официантов, годами работавших в «Красном Жеребце».

– Да. Спасибо.

Склонившись, Джастин наполнил бокал и исчез.

Дев бросил взгляд на телефон, потянулся к нему, но замер. Дел у его брата сейчас было по горло. У них обоих, на самом деле. Откинув голову на высокую спинку дивана, он испустил долгий, ровный вздох и по какой-то проклятой причине увидел образ.

Не просто образ. Человека.

Человека, с которым он познакомился в пятницу.

Человека, который догнал его на кладбище, чтобы отдать цветы. Человека, который сказал, что со временем ему станет проще справляться со смертью отца так, будто имел какого-то рода личный опыт в подобных делах. Человек, который оказался связан с этим раздражающим сукиным сыном журналистом. И она действительно не боялась его. Ни капли. Она не испугалась, когда он прижал ее к себе.

И он определенно чувствовал... нечто. Розы Герпин.

Креольская фамилия в тон смуглому лицу. Перед ним появился еще один бокал бурбона, но он не потянулся за ним.

Занавески из бусин?

У этой женщины в квартире висели самые вульгарные занавески из бусин. Какой взрослый, будь у него хоть на ноготь вкуса, повесит дома дешевые занавески из бусин? На дворе

не шестидесятые и не семидесятые, а Розы – не ребенок, которого забавляют погремушки.

Через день после того, как его брат сыграл свою роль рыцаря в сверкающей броне и вернул их временную домработницу из – как догадался Дев – квартиры ее лучшей подруги, они все болтались на краю его сознания.

Занавески из, мать их, бусин.

Дев даже представить себе не мог, с чего он вообще думает об этой женщине.

На самом деле, это было не совсем правдой. Если бы хоть раз в своей жизни он был честен сам с собой, он думал о ней потому, что Розы... *интриговала* его. Одной из причин был тот факт, что она смотрела на него так, будто одно его присутствие в квартире портило в ней все, включая эти занавески из бусин.

Никто, кроме его братьев, не смотрел на него так и не осмеливался бросать разъяренные взгляды.

Это... заинтересовало его. И ему понадобилось всего несколько минут наедине с Розой, чтобы понять, что она ничуть не похожа на эту вероломную...

Он оборвал эти мысли. Отмел их подальше к черту.

Дев подумал о том, где жила Роза. Недалеко от площади Джексона. Как, черт подери, она жила там со всем этим шумом, что царит там. Его взгляд скользнул к бокалу с бурбоном.

Существовало два типа жителей Нового Орлеана. Те, кто

наслаждался звуками, запахами, видами и всей атмосферой Французского квартала. И те, кто всеми силами избегал его.

Он полагал, что Роза принадлежала к первым. Тогда как он – к последним.

Дев знал о ней немного. Он мог изменить это за секунду, если бы захотел. Один звонок, и он узнает все, что захочет. Возраст. Место рождения. Семья. Сестры и братья. Образование. Место работы. *Все, что угодно.* Он мог даже узнать, как умер этот ее муж.

Проклятье.

Он вел себя как засранец, разве нет?

Его взгляд снова скользнул к телефону. Очень странная вещь случилась с ним, когда он стоял этим утром в квартире Розы, ожидая брата и споря с ней о том, что такое настоящее дерево. Он прекратил... думать.

Думать обо всем.

Дев не мог припомнить, когда подобное случалось в последний раз, и, надо признать, это было приятное разнообразие.

Девлин не верил в совпадения, так что он ни минуты не сомневался, что она совершенно точно знала, кто он, когда нашла его на кладбище. Преследовал ли его Росс, и не он ли подослал ее? Вполне возможно, поскольку это было любимым времяпрепровождением этого репортера. Ее очевидно близкие отношения с Никки и ее связь с Россом делали Розу опасной.

Так что, конечно же, он вел себя с Рози предельно жестко. Он даже знать не хотел, как это характеризовало его, но он знал, что за все время, что он провел с Сабриной, а это были долгие годы, никогда, ни разу он не возбуждался так быстро и легко.

Вот почему секс с Сабриной, довольно нечастый, был рутинной, средством достижения цели, которой он так и не достиг. И Сабрина не могла не чувствовать его бесстрастность, когда дело касалось ее. Он тоже был для нее средством достижения цели. Черт, он не хотел думать о Сабрине. Он предпочел бы думать о женщине, которая смотрела на него так, будто хотела убить одним лишь взглядом. Как она назвала его? А, да. Дебиллом.

Его плечи приподнялись в беззвучном смешке, когда он потянулся за бурбоном. Женщина, у которой были занавески из, мать их, бусин, всерьез заинтересовала его. Женщина с ореховыми глазами – глазами, менявшими цвет от карих до зеленых в зависимости от того, насколько сильно она злилась.

Проклятие.

Ореховые глаза.

Это заставило его вспомнить то время, когда он был маленьким мальчиком. У его матери была подруга, которая приходила по субботам. Это было до того, как родились братья и сестра, так что тогда был только он, его мать и... *субботы*. Миссис Виндхэм всегда приводила с собой свою дочь.

Девочка была одних лет с Девом, плюс-минус несколько месяцев. Он помнил лишь, что у нее были светлые волосы и ореховые глаза. Как ее звали?

Перл.

Они играли во всех комнатах поместья, потому что по субботам Лоуренса никогда не было дома, и Дев мог просто быть собой. Однажды он неся из комнаты в комнату в поисках Перл. Они играли в прятки или какую-то другую подобную глупую игру. Он не помнил точно, но помнил, что нашел Перл. Он также нашел Лоуренса и миссис Виндхэм в одной из этих комнат.

После этого подруга матери уже больше не приходила. Дев никогда больше не видел Перл, и субботы изменились. Все изменилось тем субботним днем, и лишь спустя годы, когда Дев стал старше, он начал понимать, почему.

Когда в последний раз он думал о Перл? Дьявол. Это было много лет назад.

Его мысли вновь вернулись к Лоуренсу. Этот человек был заразой, поражающей все, к чему он прикасался, и это была истинная правда. Слишком многие, имевшие дела с Лоуренсом, начиная с его адвоката по недвижимости Эдмонда Оакса и заканчивая несколькими высокопоставленными городскими чиновниками, стали испорченными.

Дьявол, Лоуренс был больше, чем заразой. Он был, мать

его, раковой опухолью.

Тень упала на стол, привлекая его взгляд. Перед ним снова стоял Джастин, держа в руках конверт из оберточной бумаги.

– Прошу прощения за беспокойство, мистер де Винсент, но это оставили для вас на входе.

– Да? – Он потянулся за конвертом, забрав его. – Кто?

– Кажется, его кинули в ящик всего несколько минут назад. Никто не видел, кто оставил его.

Интересно.

– Спасибо, Джастин.

Мужчина кивнул и поспешил прочь, пока Дев рассматривал конверт. В центре конверта было напечатано его имя. Перевернув его, он сорвал печать и открыл его. Сначала ему показалось, что там ничего нет, но он почувствовал нечто гладкое. Дев вынул фотографию восемь на одиннадцать сантиметров.

Что за?..

Фотография его и Лоуренса де Винсента. Его *отца*. Ее сделали на благотворительной акции, куда они пошли вдвоем незадолго до того, как Лоуренс... скончался, и всего через несколько месяцев после того, как подозрения Дева о Лоуренсе подтвердились самым неожиданным образом.

Они стояли плечом к плечу, и ни один из них не улыбался. Ни один из них не выглядел так, будто хотел быть там. И ни один из них не пытался скрыть безмерную неприязнь и недоверие друг к другу.

Дев помнил ночь на Балу Одиссея. Это тем вечером в машине, по дороге на мероприятие человек, который воспитал Дева, насмешливо сказал ему, что он и Габриэль не его дети. Его детьми были лишь Люциан и их сестра Мадлен.

Дьявол. Дев никогда не чувствовал облегчения сравнимого с тем, что он почувствовал в ту минуту. Некоторые могли верить, что Дев – монстр, но если бы они знали, что он сделал с Лоуренсом, они бы знали, что слова Арчи, произнесенные сегодня – правда.

У настоящего зла всегда есть лицо.

Его братья не знали, что Дев узнал правду раньше них. Его братья вообще едва ли что-то знали.

Даже Дев ничего не знал вплоть до того Бала у Одиссея. Эта тайна настолько меняла все в жизни, что он до сих пор, до сего дня, не знал, как рассказать братьям.

Или даже как справиться с этим самому.

Если бы он мог избавить своих братьев от знания о том, как злобен, как испорчен был вырастивший их человек, он бы сделал это. Проклятие, если бы он мог, он бы сошел в могилу с этим знанием. Так было бы... лучше.

Но не фотография заставила Дева стиснуть зубы. И даже не то, что символизировало это фото. Это было послание, нацарапанное на фото чем-то вроде иглы или даже чем-то потоньше, каким-то острым инструментом.

«Я знаю правду».

Глава 6

Большую часть выходных Роза провела, беспокоясь о Никки, проигрывая в голове словесный бой с придурком де Винсентом. Она злилась на себя за короткую потерю рассудка, когда этот придурок так возбудил ее.

Это значило, что она нервничала и не могла усидеть на месте дольше минуты. Это оставляло ей лишь один выход.

Выплеснуть ярость в уборке.

Она атаковала каждый дюйм своей квартиры. Гостиная и кухня практически сверкали, и к тому моменту, когда она закончила с ванной, примыкающей к спальне, она почувствовала, что человек с ослабленным иммунитетом может спокойно есть там с пола.

Ванная была вторым после балкона любимым местом Розы в квартире. Балкон занимал первую строчку лишь благодаря удобным креслам и открывающемуся оттуда виду. Было приятно просто сидеть там и наблюдать за людьми, проводя весь день на ногах, стоя то на кассе, то на кухне родительской пекарни, пока сами родители из лучших побуждений спрашивали ее о том, как она собирается использовать одну из трех своих ученых степеней на практике.

Это особое состояние, предназначенное лишь для тех, кто готов вступить в брак и нарожать детей.

У Розы это все уже было, по крайней мере – в части брака,

и она не была уверена, что это случится с ней снова или что она захочет, чтобы это случилось.

В те дни, когда ее родители и сестра Белла заседали на нее, она хотела лишь забросить ноги повыше и попивать вино на балконе под жужжащими вентиляторами, наблюдая за людьми и слушая их разговоры.

Ванна на когтистых лапах и балкон стали причиной, по которой она сняла эту квартиру. Она наткнулась на нее два года назад. Чтобы переехать сюда, понадобилось много терпения, потому что хозяин жилья оставил тут много своих личных вещей.

Но квартира стоила ожиданий.

Она была довольно маленькой, но ванная в сравнении с ней выглядела огромной. Как будто вся квартира была построена вокруг ванной комнаты. По крайней мере, ей нравилось так думать. На самом деле, ванная комната первоначально была спальней или чем-то в этом роде, но выглядела она просто потрясающе.

Туалетный столик с двойной раковиной и длинным зеркалом предлагал более чем достаточно места для всех аксессуаров для волос и косметики – а это была довольно внушительная коллекция, – учитывая тот факт, что она страдала некоторой формой зависимости от макияжа. Она постоянно искала идеальный тональный крем. Тон ее кожи усложнял эту задачу. В мягком свете ванной тональный крем часто выглядел потрясающе, но стоило ей выйти на солнце, как ее

лицо приобретало жутко болезненный оттенок или выглядело так, будто она пережарилась в солярии. Так что все ящики были забиты пробниками и наполовину использованными флаконами, с которыми она не могла расстаться, потому что вдруг однажды, каким-то магическим образом все эти негодные тональные крема начнут работать. Здесь был не только этот удивительный туалетный столик, под которым нашлось место для стула, но и красивая фарфоровая ванна, стоявшая тут, наверное, с незапамятных времен.

В этой ванной она могла бы лечь на пол, вытянув руки и ноги, и «рисовать», словно на снегу, ангелов, ничего при этом не задевая. Идеально. А если бы она захотела сделать это прямо сейчас, то осталась бы чистой, потому что почти час перед этим оттирала кафельный пол.

Яростная уборка во многом походила на депрессивную, которая случалась всякий раз, когда она позволяла себе посидеть и подумать о Йене. Неудивительно, что он постоянно крутился у нее в голове, ведь это была годовщина его смерти, но на самом деле в последние десять лет не было и дня, в который Роза не вспоминала бы о нем.

Дьявол, да почти всякий раз, как она входила в «Пралине Прадин», булочную, которую держали ее родители, она думала о том, как Йен, бывало, приходил сюда после школы и делал уроки в одной из маленьких закрытых секций в передней части магазина.

Иногда, когда она была в булочной и стояла за кассой,

хорошенько постаравшись, она могла увидеть, как он сидит там, покусывая колпачок ручки и склоняясь над домашней работой.

Она держалась за эти воспоминания.

А Девлин считал, что она ничего не знает о любви и браке?

Что за придурок.

Вновь разозлившись, она потопала на кухню, прямиком к бутылке муската в холодильнике. Она налила себе бокал и прошла туда, где на кофейном столике стоял открытый ноутбук.

Ей нужно было отвлечься, и у нее имелся идеальный вариант. Видео, которое ей послали сегодня утром, стояло на паузе. Она уже просмотрела его пару дюжин раз и была готова просмотреть еще столько же.

И это было даже не видео милейших щеночков, неуклюже переваливающихся на своих лапках. Это было намного лучше.

Шлепнувшись на диван, она положила ноутбук на колени и нажала «плей».

КНОПка записала на видео нечто.

Это не был полнотелый призрак, но тень, метнувшуюся по коридору, нельзя было спутать с парящим пылевым облачком. Отставив бокал в сторону, она взяла очки в красной оправе и поднесла экран как можно ближе к лицу. Она снова нажала клавишу «плей». В ту секунду, как затененный пузырь появился в конце коридора, напротив комнаты ребен-

ка, она нажала паузу. Прищурившись, Роза постаралась облечь пузырь хоть в какую-то форму.

Выглядело это словно пятно на линзе или какая-то летающая хозяйственная сумка, но она знала, что это – нечто иное. Она снова запустила видео, а потом замедлила воспроизведение. Когда призрак растворился в противоположной стене, он все так же был похож на хозяйственную сумку. То, что последовало за этим, можно было сравнить со звуком кувалды, ударившей в пол.

Роза знала, что в записи есть этот звук, и все равно он заставил ее вздрогнуть, а сердце – запнуться. Что бы ни скрывалось за этим шумом, оно было материальным. Он заставил камеру вздрогнуть, и через несколько секунд ребенок в комнате заплакал.

– Проклятье, – прошептала она. На губах ее медленно появилась улыбка.

То, что засняли на камеру, неопытному глазу могло бы показаться не таким уж существенным, но это было своего рода доказательством, и оно давало надежду, что они найдут новые свидетельства, поскольку как раз в пятницу в доме Мендесов в районе Гарден установили камеры. То, что им удалось заснять нечто настолько стремительное, было хорошим знаком... для Розы и ее команды.

Но не для бедного семейства Мендесов.

Они связались с КНОПкой чуть меньше месяца назад. Маурина и Престон Мендес купили свой недавно построен-

ный дом на Третьей улице всего несколько лет назад. У них не было никаких проблем до тех пор, пока не родился сын. Если верить словам семьи Мендес, все началось с беспорядочных шагов и других звуков вроде необъяснимого грохота и стуков. Супруги начали улавливать движение периферийным зрением, а вещи начали пропадать и случайным образом появляться в самых неожиданных местах. Все это можно было бы легко проигнорировать или списать на чью-то забывчивость, но количество таких странностей неуклонно росло на протяжении недель и месяцев. Оба – и муж, и жена – заявляли, что видели туманную фигуру в коридоре на втором этаже, у комнаты их сына Стива. Ощущение, будто их преследуют и за ними наблюдают по всему дому, переросло в хлопанье дверей и, по словам супругов, настоящую одержимость призраков.

Полнотелое. Проявление.

Престон утверждал, что в комнате малыша Стива видел пожилого мужчину, стоящего у кровати ребенка. По его словам, призрак был плотным на уровне головы, плеч и груди, а нижняя часть тела оставалась более прозрачной. Престона застали врасплох этим зрелищем, так что он даже не обратил внимания на то, к какой эпохе относилась одежда или на какие-либо иные детали. Он отметил лишь то, что в комнате было холоднее, чем обычно. Призрак растворился прямо у него перед глазами.

Опасаясь за безопасность ребенка, особенно после того,

как призрак проявился в его комнате, и сильно испугавшись, семья позвонила КНОПке. Большая часть призраков никогда не приносила никакого вреда. Если это были активные, а не остаточные явления, то они в основном лишь проявляли любопытство. Тем не менее порой в домах у людей появлялись совсем не призраки.

Иногда это было нечто совершенно иное.

Рози опустила ноутбук на колени и пометила флажком часть видео. Сохранив его, она послала файл Лансу Пейджу, который мог захватить изображение и увеличить его, не теряя качество. Потянувшись к подушке рядом, она схватила телефон и быстро набрала сообщение Лансу, дав ему знать, что файл ушел. Прежде чем отложить телефон, она прокрутила сообщения, пока не нашла последнее, от Никки.

«Лицо адски болит, но я в порядке».

Рози казалось, она смотрела на него часами, но на самом деле прошло лишь несколько секунд. Она знала, что физически Никки была в порядке, но эмоционально? Душевно? Это совсем другое дело, и Рози не нужна была ее третья бесполезная степень – на этот раз – в психологии, – чтобы понимать это.

Уронив телефон на подушку, она потянулась вперед и поставила ноутбук назад, на кофейный столик. Сняла очки и положила их сверху.

Бросила взгляд на закрытые двери балкона. Настала ночь, но гул машин и голоса людей по-прежнему звучали громко.

Стоило закрыть глаза, появился самый раздражающий образ. Она тут же увидела Девлина, стоящего у этих закрытых дверей.

Боже, этот мужчина был красив, но он также был сертифицированным придурком... привлекательным придурком.

Надменный, прямолинейный, требовательный, несносный придурок, почти такой же теплый и дружелюбный, как дом с привидениями.

Придурок, который, казалось, был очень щедро одарен. Боже. Ей не стоило думать об этом. Ей вообще не стоило думать о нем, но он все равно присутствовал в ее мыслях, хотела она того, или нет.

Открыв глаза, она поджала губы. В субботу утром этот мужчина был одет так, словно пришел с деловой встречи, в серые брюки и белую рубашку на пуговицах. Он выглядел потрясающе, хотя точно так же он выглядел и на кладбище, но она сомневалась, что в его гардеробе найдется хоть пара джинсов.

Вспомнив выражение его лица, когда она назвала его дебилем, она хихикнула. Хотела бы она обладать даром предвидения, чтобы в руке ее в тот момент был телефон, потому что та вспышка изумления была достойна того, чтобы запечатлеть ее на видео. Из чистой вредности она бы поставила это лицо на аватарку в «Фейсбуке».

Она снова хихикнула, когда бросила взгляд на часы в форме ламы, которые достала для нее ее подруга Бри. Бог знает,

где она их нашла, но Роза не возражала. Это потрясающая вещь, а Роза питала слабость к удивительным и странным созданиям.

Было уже почти десять часов, и она должна была чувствовать усталость, вставая так рано два дня подряд, чтобы выйти на смену в пекарне, готовящейся к толпам, что повалят из церкви. Но она чувствовала себя бодрой и даже взвинченной.

И было лишь одно средство унять беспокойство. Пончики дю Монд.

К сожалению, это означало, что ей нужно переодеться.

Даже несмотря на то, что над Кварталом уже царилась ночь, на улицах все равно будут толпы народу. Роза не собиралась выходить в одном топике, шортиках и толстых вязаных носках.

И все же пончики того стоили.

Вскочив на ноги, она начала переодеваться, и тут зазвонил телефон. На ее лице появилась улыбка, когда она увидела имя Ланса и его забавное фото, где она красовалась с обручем с крошечными пластиковыми привидениями на пружинках на голове.

– Привет, приятель, – ответила она, подхватив бокал вина. – Я думала, ты работаешь сегодня в ночь.

– Не. Я ушел рано, – ответил он. Ланс работал фельдшером скорой, и, боже, его работа никогда не была скучной. – Я просмотрел видео. Пока не было возможности взглянуть

пристальной, но, вау, я поверить не могу, что мы наконец что-то поймали.

– Я знаю. – Она глотнула вина. – Жуткое ощущение.

– Нам нужно вернуться в дом и провести там еще одну ночь.

– Да, но семья пока не согласилась на это. – Они хотели помощи, но КНОПка могла провести много часов за одними только исследованиями. – А если они не...

Ланс вздохнул.

– Если они не согласятся, то я буду чертовски уверен, что это розыгрыш.

– Я тоже.

Прикончив бокал, она отнесла его на кухню. КНОПка раскрыла и разоблачила мошенников больше, чем нашла настоящих призраков, но такова природа этого бизнеса.

– Джилли сказала, что прозвонит им завтра и сообщит новости. Ты к тому моменту уже обработаешь видео?

– Конечно. – Последовала пауза, в которую Роза успела поставить бокал в раковину. – Занята сегодня чем-нибудь?

– Нет, хотела только сходить в Дю Монд.

– Хочешь, составлю тебе компанию?

Роза ухмыльнулась. Ланс жил за Каналом, и это была та еще прогулка, но, как и она, Ланс был совой и всегда готов к чему угодно.

– Если уверен, что хочешь присоединиться ко мне.

– Детка, я всегда хочу, – ответил он.

Ее улыбка дрогнула, когда она оттолкнулась от кухонного стола. Было что-то дразнящее в том, как он сказал это, но было и нечто... *большее*. Она почувствовала пробуждающую тревогу. Ланс был симпатичным, хорошим парнем, но он оставался одним из самых близких ее друзей. Она знала, что эти границы лучше бы не пересекать, как бы сложно это ни было. А в последнее время? Ланс подавал сигналы, которые можно было интерпретировать как заинтересованность в большем. Приглашал ее на ужин. Появлялся в пекарне «Прадин» с ее любимым напитком... или удивлял ее любимым лакомством, этими штучками в коробочках, такими чесночными и вкусными, ведь их *непросто* найти. Хотя, возможно, он просто был потрясающим другом, а она придавала всему слишком большое значение.

Скорее всего, последнее.

– Розы, ты там? – спросил он.

– Да. – Она откашлялась. – Прости. Задумалась. Странные выходные.

– Тем более есть повод закончить их пончиками.

Расслабившись, она закатила глаза.

– Истинная правда. Мне нужно минут пятнадцать переодеться. Ладно?

– Идеально. Увидимся там.

Отключившись, она оставила телефон на кухне и поспешила в спальню, улыбнувшись, когда занавески за спиной противно задрезбжали. Выдернув из комода пару узорча-

тых штанов, она сняла носки, едва не упав при этом. Попыталась представить себе Девлина, спонтанно отправившегося за булочками в десять вечера, и разразилась хохотом. С леггинсами, спущенными до коленей, она опрокинулась на спину, шлепнувшись задницей на кровать.

Рози готова была поспорить: Девлин де Винсент был такой же спонтанный, как визит к дантисту.

Дев не любил сюрпризы.

Особенно когда их преподносил его дядя, Стефан де Винсент, ждущий его в домашнем офисе в понедельник утром.

– Прошу прощения. Сенатор настаивал на том, что это не может ждать, – объяснял Ричард Бессон, пока Дев шел по коридору второго этажа.

Старый управляющий был такой же частью дома, как и де Винсенты, и следил за домом вместе с женой с тех пор, как Дев был ребенком. Ливи отсутствовала из-за проблем со здоровьем, на ее место заступила их дочь, Никки, но она не была подходящей заменой, даже временной, по целому ряду причин.

Дев невольно задался вопросом, что думает Бессон об отношениях Гейба и его дочери. Даже несмотря на то, что Гейб до сих пор был самым... привлекательным из братьев, он оставался де Винсентом, а Бессон за время своей работы тут видел многое.

Бессон также многое знал.

Слабое любопытство испарилось окончательно, когда его взгляд сфокусировался на обшитых панелями дверях, ведущих в его кабинет. Под скулами заиграли желваки.

– Все в порядке. – Дев одернул манжеты на рубашке. – Можешь принести кофе, когда будет такая возможность?

– Конечно. – Бессон начал разворачиваться.

Дев замер, как только Бессон начал разворачиваться. Опустив руки, он встряхнул рукавами.

– Ричард?

Тень удивления мелькнула на лице мужчины.

– Да?

Дев открыл рот, потом закрыл его. Прошло некоторое время, пока он раздумывал, что хочет сказать. Он сделал шаг к старшему мужчине и тихо произнес:

– Я сожалею о том, что случилось с твоей дочерью. Постараюсь, чтобы ничего подобного впредь не случилось.

Бессон какое-то мгновение смотрел на него в ответ, затем прокашлялся.

– Я не сомневаюсь, что вы... позаботитесь о безопасности моей дочери. Благодарю вас.

Дев кивнул.

– Позже нам нужно будет поговорить о замене для Ливи. Никки больше не подходит для этой работы.

Ее отец открыл было рот.

– Она в отношениях с моим братом, – сказал Дев, заметив мрачный взгляд мужчины. – Не думаю, что ты захочешь,

чтобы она подавала ему обед и убирала со стола после.

Слабая улыбка мелькнула на лице Бессона.

– Да, мне бы этого не хотелось.

– Хорошо.

Улыбка так и осталась на лице Ричарда.

– Я немедленно принесу кофе в ваш кабинет.

Коротко кивнув мужчине, Дев развернулся и прошел к дверям своего кабинета. Он опустил ладони на панели и толкнул их.

Его кабинет представлял собой светлую и просторную комнату, свет струился через восточные окна, но спиной к дверям сидело темное облако.

Лоуренс де Винсент был чистым злом. Его брат-близнец Стефан по сравнению с ним казался, мать его, идиотом. Опасным в своей собственной манере, но не настолько плохим, как Лоуренс.

– Как славно, что ты, наконец, присоединился ко мне, – сказал Стефан.

Дев поджал губу, закрывая за собой дверь. Он ненавидел звук голоса Стефана, потому что он был так похож на голос Лоуренса.

– Как славно, что ты явился без предупреждения после того, как все выходные не отвечал на мои звонки.

– Я был в округе Колумбия, Дев, и я был очень занят.

– Настолько занят, что не мог поднять трубку? – Дев прошел через кабинет, и, проходя мимо дяди, уловил слабый

запах кубинских сигар. Густой и сладкий, такие курил Лоуренс. Он прошел за стол и лишь тогда позволил себе взглянуть на своего дядю.

С характерными глазами цвета морской волны и темными волосами с легчайшим намеком на седину на висках, он на все сто был де Винсентом. Слабые морщинки окружали углы глаз и губ. То ли благодаря искусным врачам, то ли благодаря хорошей наследственности, старел он красиво.

Стефан выглядел совсем как Лоуренс. В конце концов, они были близнецами, так что всякий раз, когда Дев вынужден был смотреть на Стефана, у него возникало такое чувство, будто он смотрит на того, кого искренне ненавидел.

Его дядя, вероятно, пришел бы ему на ум следом, если бы Дев должен был составлять список тех, кого ненавидел. Его дядя заслуживал каждую унцию этой ненависти, но если сравнивать, то Лоуренс был хуже.

Лоуренс всегда будет хуже.

– Я был занят, представляя этот славный штат. Управление страной отнимает время. – Стефан улыбался, наблюдая, как Дев садится, и поигрывал с золотым браслетом «Ролекс», охватывающим левое запястье. – Как я понял, ты звонил мне по поводу того, что случилось в пятницу вечером, и вот я здесь.

– Значит, ты видел новости?

Стефан фыркнул.

– Как я мог их не видеть? Они, черт побери, повсюду. Брат

невесты де Винсента был убит, когда пытался убить кого-то. Эти ублюдки жрут все.

– Ублюдки?

– Пресса. – Стефан щелкнул запястьем. – Ничто они не любят так, как скандалы с участием де Винсентов. Особенно этот проклятый репортер «Адвоката». Росс Хайд? Пока я ехал сюда, мне позвонили из офиса и сказали, что он уже там, задает вопросы.

Дев ухмыльнулся. Одно упоминание имени Росса Хайда в любой другой день вызвало бы у него страшное раздражение. Но то, что этот репортер донимал Стефана, развеселило его.

– Ну, у тебя большой опыт с репортерами, роющимися в твоих делах, разве нет?

Стефан поджал губы.

– У меня большой опыт с репортерами, которые делают из мухи слона.

– Пропавший и предположительно мертвый стажер – это муха?

– Для меня – да. – Стефан безразлично пожал плечами. – Что именно сделал Паркер?

– А ты не знаешь?

– Я знаю, что пресса считает, будто это было какое-то столкновение на бытовой почве. Имя жертвы не разглашают, но говорят, он напал на кого-то и был убит в результате, – ответил Стефан. – Мне кажется это странным, поскольку я не знал, что у Паркера были... какие-нибудь бытовые отно-

шения с кем-то.

Ни на секунду Дев не поверил, что это – все, что известно Стефану.

– Паркер напал на Никки.

– Николетт Бессон? – Стефан хохотнул. – Дочь управляющего?

Дев сохранял невозмутимое выражение лица.

– Ты хочешь сказать, девушку Гейба?

– Что? – Откинувшись в кресле, Стефан вновь хохотнул. – Боже. Он трахает этот маленький кусок...

– Осторожнее, – тихо предупредил Дев. – Сомневаюсь, что тебе понравится то, что случится с тобой, если Гейб услышит подобное.

– Как будто тебе есть дело, что я о ней говорю. – Стефан фыркнул, закатив глаза. Прошла секунда. – Эта девчонка всегда за ним увивалась, разве нет? Полагаю, ему повезло.

Дев почувствовал напряжение в плечах. В устах дяди это было интересное замечание. Никки практически росла в их доме, пока была маленькой, проводила тут много времени летом, пока ее родители работали. Конечно, Стефан бывал тут много раз в те годы, но Дев не верил, что его дядя был настолько наблюдателен, чтобы заметить, что школьница Никки так некстати влюбилась в его брата.

Очевидно, Дев недооценил наблюдательность своего дяди. Он подумал о фотографии, которую получил в воскресенье.

– Паркер напал на нее? – спросил Стефан.

– А ты правда не знал этого?

– Конечно, нет! – воскликнул Стефан. – Откуда?

Раздался стук в дверь, и Дев поднял руку, заставив Стефана замолчать.

– Входите.

Бессон вошел, и аромат свежесваренного кофе заглушил запах сигар. Быстро, словно пуля, сервировав кофе, мужчина ушел. Дев понял, что Бессон – не большой поклонник сенатора, хотя он и проявлял чертовский профессионализм, ничем не показывая этого.

Именно поэтому Деву нравился Бессон.

Стефан подождал, пока двери закроются.

– Ты же не думаешь, что Сабрина имела что-то общее со своим братом...

– Я совершенно точно знаю, что Сабрина участвовала во всем, что Паркер пытался сделать с Никки. Я также знаю, что она преследовала Гейба еще со времен колледжа, – сказал он, и, когда взгляд его дяди метнулся к нему, вскинул бровь. – Еще я знаю, что они с Паркером несут ответственность за то, что случилось с Эммой.

– Эммой Ротшильд? – Стефан замер, не донеся чашку до рта. – Женщина, с которой Гейб встречался *годы* назад?

Черты лица Дева разгладились, пока он изучал своего дядю. Новость о том, что Сабрина причастна к смерти Эммы, поразила Дева, который считал, будто он знает, на что она

способна. Он недооценил, насколько... невменяемой была эта женщина. Деву придется жить с этой ошибкой.

– Боже. Ты не шутишь.

– С чего бы я стал шутить о таких вещах? – спросил Дев. Стефан глотнул кофе.

– А с чего бы тебе лгать о том, как умер мой брат?

– Хватит, Стефан, ты знаешь, что Лоуренс повесился, – ответил Дев, беря свою чашку. С крепко заваренным кофе. Без сахара. Без сливок. Вкус горький, как зимняя ночь. – Давай не будем начинать.

– Я это никогда не закончу, Девлин. – Стефан поднял свою чашку. – Я знаю, что мой брат не кончал с собой.

– Хм... Скажи мне кое-что, Стефан. – Дев откинулся назад, закинув ногу на ногу. Он подождал, пока Стефан сделал глоток. – Думаешь, я не знаю, что ты трахал Сабрину?

Мужчина фыркнул и поперхнулся кофе. Жидкость брызнула на его костюм. Он поднял губу, обнажив зубы.

– Что за черт?

Дев хотел рассмеяться, но сдержался.

– Ты знаешь, где Сабрина? Семья не видела ее с утра пятницы.

– Понятия не имею, где она.

– Итак, ты говоришь, что понятия не имеешь, где она?

– Да! – Стефан грохнул чашку кофе обратно на стол достаточно сильно, чтобы фарфор треснул. Дев вздохнул. – И ты сошел с ума, если думаешь, что я спал с Сабриной.

– О, я вполне уверен, что ты был с Сабриной, и тот раз на прошлой неделе не был первым.

– Ты, должно быть, шутишь, – ответил Стефан с натужным смехом. – Если ты действительно считаешь, что твоя невеста спала со мной, почему, черт возьми, ты все еще помолвлен с ней? Как это характеризует тебя?

Дев сделал глоток, хотя живот его крутило от смеси ненависти и отвращения.

– У меня были свои причины... причины, в которых к тому же больше нет необходимости.

– У тебя всегда есть *причины*, не так ли, Девлин? – Сенатор сцепил челюсти. – Думаешь, я не знаю, чего ты хочешь добиться своим возмутительным обвинением? Тактика отвлечения. Я говорю о своем брате, а ты всегда находишь способ не обсуждать его.

– Значит, ты не был с ней в «Рице», когда я уезжал на выходные? – спросил Дев.

Стефан прищурился.

– Кто-то следил за мной?

– Ответь на вопрос, Стефан.

Ноздри его дяди затрепетали.

– Она пришла повидаться, пока я развлекал гостей. Она беспокоилась о вашей помолвке, и могу добавить, что она была сильно расстроена. Подозреваю, что помолвка расторгнута.

– Да. – Дев знал, что эти объяснения – чушь собачья. –

Представляю, как ты там их развлекал. Можешь, кстати, забыть о тех жертвованиях, которые ты планировал получить от Харрингтона на свою будущую кампанию по пере-выборам.

Стефан усмехнулся.

– Знаешь, в чем твой роковой недостаток?

– У меня их немного, но просвети меня.

Усмешка превратилась в ухмылку, когда он склонился вперед и, сжав подлокотники кресла, начал вставать.

– Ты считаешь, будто знаешь все.

Дев вскинул бровь, держа взгляд дяди.

– А истина состоит в том, что ты не знаешь ничего.

Стефан поднялся, а Дев поразился этому прощальному заявлению. Он думал, что Стефан способен на большее.

– Хорошего дня, Девлин.

Он подождал, пока дядя дойдет до дверей и лишь тогда сказал:

– Стефан?

Его дядя замер и повернулся к нему.

– Что?

Он подумал о пистолете, который хранил в верхнем ящике. Его братья знали о нем, Стефан – нет. Часть его хотела выхватить его и прикончить Стефана прямо тут, но он не был убийцей. Не таким.

– Если я узнаю, что ты прячешь Сабрину, или что ты солгал мне о том, что не знаешь, где она, я не только отниму

у тебя все. – Дев улыбнулся, едва заметно изогнув губы. – Я уничтожу тебя.

Глава 7

Из кухни донесся смех, заставив Дева, натягивавшего спортивную куртку Кучинелли перед традиционной утренней пробежкой, замереть. Он стоял неподалеку от заднего хода на кухню, который вел в длинный, узкий тамбур, уходящий к внутренней лестнице и веранде.

Звук показался настолько странным, что Дев замер, его сердце пропустило несколько ударов. В этом доме нечасто раздавался дикий, несдерживаемый, *счастливый* смех.

Его братья были там со своими женщинами. Дев понял, что они готовят ужин, так как сегодня вечером он предупредил Бессона, что его работа приостановлена вплоть до следующих распоряжений. Этот мужчина должен был находиться дома со своей больной женой, и Дев был уверен, что дом не рухнет, если Ричарда не будет тут вечером.

– Я не уверена, что это должно работать так, – услышал он слова Джулии и вскинул бровь.

Люциан и Джулия купили старый дом в викторианском стиле в районе Гарден; сейчас там делали ремонт. Он понимал, что дом скоро будет готов, и Люциан уедет.

Дев был счастлив за него.

Он понимал, что Гейб не отстанет от Люциана: он уже искал съемную квартиру в Батон Руж, чтобы быть ближе к сыну. И тут останется только Дев.

Иронично, как все в мире делает полный оборот.

Он поправил воротник куртки и шагнул вперед.

Дев успел сделать несколько шагов, когда почувствовал поцелуй холодного воздуха на затылке. Он запнулся и оглянулся через плечо.

Нечто *темное* двигалось в конце длинного, узкого тамбура.

Он не был уверен, что это за чертовщина, поскольку заметил движение лишь уголком глаза за секунду до того, как оно исчезло. Нахмурившись, он развернулся и внимательно осмотрел тамбур. Дверь на лестницу была закрыта, и если там кто-то был, то спрятаться ему негде.

«Так как, в вашем доме есть призраки?»

Вопрос Розы вторгся в его мысли, и полуулыбка тронула губы. КНОПка. Это было сокращенное название ее команды по исследованию паранормальных явлений. Как... смешно.

– Дев?

Он повернулся на звук голоса Люциана. Младший де Винсент стоял перед узкими дверьми, которые вели в кладовую и кухню. В руке он держал неоткрытую бутылку красного вина. За исключением сине-зеленых глаз Люциан не был похож ни на Гейба, ни на Дева. Светлой кожей и волосами Люциан пошел в мать, и неудивительно, что все они подозревали, что Лоуренс – не отец ему и его сестре-двойняшке. Принято считать, что отцом их был какой-то незнакомец, кто-то, кто оказался добрее к их матери, чем Лоуренс.

Очевидно, что для всех стало шоком, когда выяснилось, что Лоуренс был настоящим биологическим отцом двойняшек, а Гейб и Дев не были его детьми. Это был не единственный сокрушительный удар за последние пару месяцев. Еще была вся эта неразбериха с их сестрой Мадлен, и всплывшая правда о том, что случилось с их матерью.

– Что делаешь? – спросил Люциан.

– Думаю, – ответил он.

Светлые брови приподнялись.

– Серьезно? Ты стоишь в тамбуре и думаешь?

– Похоже на то.

Люциан бросил на него удивленный взгляд.

– Как-то странно. – Улыбнувшись, он шагнул в сторону. –

Слышал, утром приходил сенатор.

– Приходил, но я сомневаюсь, что он скоро вернется.

– Да? – Люциан пошел на кухню, очевидно ожидая, что Дев пойдет за ним. Дев вздохнул. – Он знает, где Сабрина?

– Заявляет, что нет.

– Ты ему веришь? – Спросил Люциан, когда они проходили кладовую.

– Ни на секунду, – ответил Дев. – Хотя это неважно. Кто-то уже ищет ее для меня.

Люциан кивнул, а через мгновение встретился взглядом с Девом.

– Ненавижу все, что связано с Сабриной, и ты знаешь: моя неприязнь к этой женщине непреодолима, – но я рад, что ты

наконец избавился от нее.

Дев склонил голову набок.

– Я бы предпочел остаться с ней. – Это было отчасти правдой. Идея их помолвки была выдвинута Лоуренсом, и никто так не выступал за слияние империй де Винсентов и Харрингтонов, как он, но Дев был тут с ним солидарен. Хотя по иным причинам. – Я не был против этой помолвки.

– Ага, я знаю, и я слышал твои доводы... никогда, мать их, не понимал этого... но, в конце концов, она не станет твоей женой, так что «аллилуйя!», брат мой. Это надо отметить. – Он отсалютовал бутылкой вина. – Теперь можешь найти себе кого-то, кто не будет первоклассной сучкой.

Дев бесстрастно смотрел на брата.

– Я сейчас никого не ищу.

– По-моему, это обычное твое состояние. – Люциан отвернулся раньше, чем увидел, как нахмурился Дев, и толкнул дверь на кухню. – Посмотрите, кого я нашел, слоняющимся в тамбуре и размышляющим о делах де Винсентов.

Издав громкий вздох, Дев поймал дверь и придержал ее прежде, чем она ударила его по лицу. Ему стоило выйти на пробежку раньше.

Кухня являлась комбинацией того, что некогда представляло собой две комнаты, и она обновлялась все эти годы. Его матери понравилось бы ее нынешнее убранство, с белыми шкафами и просторными столешницами из серого мрамора. В центре размещался остров, достаточно большой, чтобы на-

кормить футбольную команду. Ей бы это понравилось.

На табуретах сидели Джулия и Никки. Обе женщины повернулись к нему. Джулия улыбнулась. Никки повернула лишь голову, поскольку ей все еще было больно двигаться, и, судя по всему, улыбаться ей тоже было трудно, так что она лишь помахала ему рукой. Ни одной из этих женщин он особо не нравился, и едва ли они были в восторге от того, что он присоединился к ним на кухне. Дев знал это и не мог их винить. Откровенно говоря, он не был уверен, заботит ли это его вообще. Он знал, что должен был бы переживать по этому поводу, ведь оба его брата глубоко любили этих девушек, однако он оставался довольно... равнодушным.

По большей части.

На другой стороне острова стоял Гейб перед какой-то стальной кастрюлей и кучей нарезанных овощей.

– Люциан готовит ужин, – объявил Гейб, когда младший из де Винсентов присоединился к нему, поставив бутылку вина на остров. – Или пытается.

– Эй. Я знаю, что делаю. – Люциан потянулся через остров и дернул Джулию за кончик конского хвоста. – Разве нет?

– Надеюсь, что знаешь, потому что мы умираем с голоду, – ответила она.

– Ты не веришь в мои кулинарные способности? – Люциан выпрямился, распахнув глаза. – А как насчет тебя, Никки?

– Как ни странно, сейчас я рада, что могу есть только жидкую пищу, – ответила она.

Дев усмехнулся, а Гейб беззвучно рассмеялся.

– Это грубо. – Люциан подхватил пакет с говядиной. – Тебе придется проглотить свои слова, выражаясь и фигурально, и буквально.

Джулия нахмурилась.

– Мне кажется, нельзя проглотить слова буквально.

– О нет, можно.

Джулия открыла было рот, но затем закрыла, покачав головой. Однако, когда она смотрела на Люциана, в ее взгляде читалась нежность. Женщина была влюблена в него, и это было очевидно. В такой ситуации ей приходилось лишь мириться с младшим из де Винсентов.

– Почему бы тебе не присоединиться к нам? – предложил Гейб, пройдя туда, где сидела Никки. Он не прикоснулся к ней, прислонившись к острову рядом, но для Дева было очевидно, что он хотел сделать это. – Не могу гарантировать, что эта скороварка сработает...

Люциан повернулся к Гейбу.

– На самом деле все не так уж сложно. Просто кладешь говядину в кастрюлю и нажимаешь пару кнопок.

– Что такое скороварка? – спросил Дев, переводя взгляд на штуковину на столе.

– Она готовит еду. – Люциан выдержал театральную паузу. – Мгновенно.

Звучало так, будто в словах был подвох.

– Это что-то вроде кастрюли, но больше похоже на паро-

варку, – объяснила Никки, медленно произнося слова. Они звучали несколько невнятно из-за разбитой губы и ушибленной челюсти. – Теоретически можно зажарить говядину за полчаса.

Это *точно* звучало как-то не так.

– Я купил ее сегодня, – гордо заявил Люциан. – В магазине.

– Серьезно? – сухо переспросил Дев. – Сам?

– Я была с ним, – вклинилась Джулия. Люциан кивнул.

– Это правда.

– Поужинай с нами, – снова позвал Гейб. – Будет справедливо, если все мы отравимся разом.

– Заманчивое предложение, но придется отказаться. У меня есть планы на ужин. – Планы, которые включали в себя филе средней прожарки и никакой домашней готовки. Пора было идти. – Хорошего вечера, наслаждайтесь своей... скороваркой.

Люциан прищурился, но Дев развернулся и вышел раньше, чем хоть кто-то из братьев успел сказать хоть слово. Он прошел в тамбур, затем до двери наружу, когда снова услышал, как его окликнули. «Почти ушел», – подумал он. Он даже успел вынуть ключи от машины. Пришлось развернуться.

Никки стояла в тамбуре, ее маленькая фигурка утопала в, по-видимому, одном из старых гарвардских худи Гейба.

– Я тебя не задержу: знаю, у тебя много дел.

Дев ждал, понятия не имея, почему Никки хотела с ним

поговорить, поскольку обычно она старалась его избегать. Она шагнула вперед, потом замерла.

– Я только хотела поблагодарить тебя за то, что ты позаботился о том, чтобы мой отец не перерабатывал в эти дни, закрывая и дневную, и вечернюю смену.

Он понятия не имел, что ответить, и потому лишь смотрел на нее.

– Я знаю, это доставляет неудобства. Ну, то есть, теперь Люциан там пытается готовить в скороварке. – Целая часть ее рта дернулась в легкой улыбке. – Так что да, я хотела сказать спасибо.

Почему, черт подери, Никки благодарила его? Если бы он контролировал Сабрину – а он считал, что контролирует ее, – она бы не стояла тут, выглядя словно участник боев без правил. Он действительно не знал, что ответить.

Никки подняла на него взгляд, а потом вдруг рванула к нему. Дев оцепенел, когда она обняла его. Это было легкое объятие. Ей было бы слишком больно обнять его крепко. Но это было объятие, и Дев не мог вспомнить, когда в последний раз его обнимали. Возможно, ее мать или Ливи после смерти его матери? Это было больше десяти лет назад.

Никки отстранилась и пробормотала:

– Спасибо.

Неподвижный, словно чертова статуя, он стоял и смотрел, как Никки плетется обратно на кухню. Через секунду он увидел стоящего в дверях Гейба. Сукин сын улыбнулся.

Дев почувствовал, что хочет убраться к черту из этого дома, и сделал это, не медля больше ни секунды.

Благоухая так, будто искупалась в тростниковом сахаре и экстракте ванили, Роза пристально смотрела на место в коридоре, где когда-то был ковер и которое теперь накрыто синим брезентом.

Она вздрогнула, словно кто-то прошелся по ее могиле. Закусив губу, оглянулась на стоящего рядом мужчину. Он тоже пялился туда, и она знала, что он так же шокирован, как и она, если не больше.

Это было то самое место, где умер Паркер Харрингтон. Тут могла умереть Никки.

– Спасибо, – сказал Гейб, повернувшись к ней, и его голос звучал хрипло. – За то, что пришла и сделала все это. Ник нужна какая-то одежда, но я боюсь выбрать что-то не то.

– Все в порядке. Рада, что могу помочь. – Роза развернулась назад к коридору. Этим утром Гейб пришел в «Пралине Прадин» и спросил, может ли она помочь ему собрать одежду для Никки, так что, конечно же, она согласилась. Она лишь заскочила к портнихе, чтобы забрать платье, которая та шила для маскарада, и теперь оно лежало на заднем сиденье машины в чехле для одежды.

– По брезенту можно ходить?

– Да. Ковер там свернут, но ходить можно.

Глубоко вздохнув, она пошла вперед со старой сумкой для

пикников от Веры Брэдли, постаравшись не думать о том, что, скорее всего, ступает по крови, засохшей на досках пола. Можно подумать, что такие вещи не пугают ее, раз уж она занимается исследованием призраков.

Но она все равно боялась.

– Постарайся не думать об этом, – посоветовал Гейб, и она поняла, что страх написан у нее на лице.

– Пытаюсь, – ответила она, пройдя на цыпочках по брезенту. – Не очень помогает.

Она поспешила через расстеленный кусок дальше по короткому коридору. Дверь спальни осталась открытой, и, когда Рози шагнула внутрь, она поняла, что тут все осталось так, как было, когда Никки бросилась убежать.

Полотенца валялись разбросанными по полу и кровати, и, со слов Никки, Рози знала, что та сворачивала их, когда появился Паркер. Разбитая лампа с порванным абажуром стояла на комод.

– Знаешь, я была тут. – Рози поставила сумку на кровать и расстегнула молнию. Повернувшись к комоду, где, по ее соображениям, Никки хранила самую удобную одежду, она откинула с лица локон. – В прошлую пятницу. Я помогала ей распаковывать вещи, и если бы я осталась подольше... Но у меня были дела.

Гейб молчал, стоя в дверях. Пройдя к комоду, Рози опустилась на колени и уставилась в открытые ящики. Ей повезло, поскольку она сразу же нашла стопку спортивных штанов

и леггинсов.

– Если бы я осталась, то была бы тут. Я могла бы... не знаю. – Она схватила какие-то штаны. – Может быть, если бы я была тут, он бы не попытался напасть.

– Не стоит думать об этом. – Гейб оперся о косяк.

Найдя несколько легких рубашек, она сложила их.

– Это сложно.

– Если бы ты осталась, он бы атаковал тебя, или еще чего хуже.

Это было правдой, но не отменяло чувства вины. Она отнесла свои находки к кровати, сложив их в просторную сумку.

– Я должен был быть рядом с ней, – сказал Гейб через несколько секунд. – Если бы я не испортил так все в отношениях с Ник, я был бы тут. И ничего этого не случилось бы.

Рози оглянулась на него. Он смотрел вперед, но она могла ручаться, что он не видит ее. Он видел то, что тут случилось.

– Ты только что сказал мне не думать об этом, а сам, очевидно, не следуешь собственному совету.

Он посмотрел на нее.

– Это сложно.

Она слабо улыбнулась.

– Я лишь надеюсь, что она сможет вернуться и наслаждаться этой квартирой. Она так радовалась, когда нашла ее. Не хочу, чтобы все так испортилось.

– Я тоже.

– Тогда, полагаю, мы должны приложить усилия, чтобы этого не случилось.

Гейб с улыбкой кивнул.

– Договорились.

Размышляя о том, что Девлин сказал о чувствах Гейба к Никки, Рози невольно задалась вопросом, а знает ли об этом Никки. Вероятно, нет. Зная Никки, она готова была поручиться, что та догадается обо всем в последнюю очередь.

Рози быстро собрала достаточно одежды и белья, чтобы Никки хватило практически на две недели. Когда Роза закрывала молнию на сумке, та уже трещала по швам и весила тонну.

– Я возьму. – Гейб появился рядом, едва она собралась поднимать сумку. Он взял ремень, перекинув его через плечо так, будто сумка ничего не весит.

Отбросив упрямую прядь с лица, она шагнула от постели и посмотрела на Гейба.

– Я бы хотела увидеть Никки. Знаю, она в твоём доме, и, как бы там ни было, я бы очень хотела её навестить.

– Думаю, она будет рада тебя видеть. – Гейб повернулся к дверям. – Ты можешь приходить, когда захочешь.

Она невольно удивилась, ведь ожидала продолжительного спора, где ей придется умолять и упрашивать. Де Винсенты славились своей скрытностью.

– Правда?

– Да. Я думаю, это будет для неё славным сюрпризом. – Он

оглянулся на нее через плечо. – Ты выглядишь пораженной. Думала, что я скажу «нет»?

Рози медленно моргнула.

– Прошу прощения. Полагаю, да.

Он вскинул брови.

– Почему?

– Ну, твой брат... – Она замолчала.

Понимание мелькнуло на его лице.

– Дев? Не беспокойся о нем. Вряд ли он даже будет там.

Странное чувство вспыхнуло внутри нее: смесь облегчения и, как ни странно, разочарования. Никогда больше не видеть Девлина было бы к лучшему, так что она вообще не понимала, в чем причина этого разочарования.

Но какая разница? Ведь, святые пироги, она увидит Ники и побывает в поместье де Винсент – одном из самых густонаселенных призраками мест на земле.

Глава 8

Даже если бы Роза не поехала вслед за Гейбом благодаря ранее проведенному расследованию, она бы знала, где искать поместье де Винсентов. Она придержала это знание при себе, иначе выглядела бы чокнутым преследователем, и Гейб едва ли оценил бы это.

Она уже в некотором роде чувствовала себя нищим преследователем, поскольку ехала вслед за модным Порше Гейба на своей *Каролле*. Она понятия не имела, что за Порше у Гейба, но догадывалась, что стоит он намного больше, чем любая сумма, которую она когда-либо согласится отдать за машину.

Ланс позвонил ей как раз в тот момент, когда она притормозила, сворачивая на частную подъездную дорогу. Она перенаправила звонок на голосовую почту, пока ехала по узкой дороге, обрамленной высокими дубами. Тяжелый испанский мох свисал с деревьев, создавая навес, который почти закрыл осеннее солнце. Было очень красиво и жутко: от осознания того, что эти деревья и мох росли тут задолго до того, как человек заявил на них свои права, становилось неловко.

Деревья расступились, и показались покатые зеленые холмы. Дорога бежала, по крайней мере, еще мило. В конце концов она вывела к новой группе деревьев. У Розы было такое чувство, будто она приехала в другой штат, но в этот момент

показались большие ворота рядом с маленьким домиком, а вместе с ним и напоминание о конечной цели поездки.

Когда она проехала через ворота, то увидела дом.

– Святая Мария, мать божья, – прошептала она, вцепившись в руль и наклонившись вперед.

Нигде нельзя было найти фото поместья де Винсент. Даже с воздуха, что казалось невозможным, учитывая современные реалии, но это было действительно так. Так что она впервые видела это место.

Поместье выглядело огромным, словно Белый дом!

В центральной части возвышалась постройка в три этажа, с каждой стороны обрамленная двухэтажными пристройками. Каждая часть поместья на каждом этаже была соединена с другими балконами и галереями. И, подъезжая ближе, она рассмотрела вентиляторы, свисающие с потолков на многочисленных балконах.

Толстые колонны окружали фасад здания и тянулись вдоль всего строения. Окна закрывали большие черные ставни. Кустистые заросли свисали с кованых перил верхних этажей, а весь дом оплетен лозой.

Это было, по меньшей мере, ненормально.

У некоторых старых домов в этой местности были проблемы с разросшейся лозой и плющом, но такой большой дом, укрытый ими полностью? Такое возможно, только если у владельцев есть все средства для поддержания порядка.

Рози пора было перестать пялиться на дом и начать смот-

реть на дорогу, потому что Гейб повернул к левому крылу, а она уже собиралась протаранить центральный вход. Она последовала за ним в объезд отдельного строения и быстро поняла, что это – гараж. Достаточно большой, чтобы вместить по меньшей мере десяток машин. Сколько машин было у этих людей?

Гейб не стал заезжать ни в одни ворота – просто припарковался перед гаражом, так что Розы последовала его примеру, припарковавшись рядом. Она цапнула свой телефон, сунув его в карман джинсов, подхватила сумочку с переднего сиденья и выбралась наружу.

Гейб уже ждал у багажника ее Кароллы, держа в руках сумку для пикников и пряча глаза за серебристыми солнцезащитными очками. Темные волосы он откинул назад, скрепив длинные пряди на затылке.

– Иди за мной.

Розы поспешила догнать его.

– Что не так с этим плющом?

– Знаешь, это хороший вопрос. – Он срезал путь через подъездную дорожку и взошел на веранду, тянущуюся вдоль дома. – Он разросся из розового сада на заднем дворе и вырвался из-под контроля. Лоуренс... наш отец? Он подрезал плети каждый год, но они всегда быстро разрастались обратно. Странно, да?

– Да-а-а, – протянула она, плясь на зеленую плеть, карабкающуюся по стене дома. – Это достаточно странно.

Гейб улыбнулся, начав подниматься по крытой наружной лестнице.

– Иногда я невольно спрашиваю себя, не пытаются ли лозы успокоить дом.

Она вскинула брови. Существовали примеры странных вегетативных аномалий в местах с высокой паранормальной активностью. На ум пришел лес Хойя Бачу, где находится необъяснимый круг, в котором не растет ничего живого, и куча рассказов очевидцев о паранормальных явлениях, но она никогда не видела ничего *подобного*.

– Это мой личный вход, – объяснил Гейб, выходя на лестничную площадку второго этажа. – Люциан сейчас в правом крыле, но он переезжает, а Дев там. – Он дернул подбородком.

При упоминании имени Девлина у нее внутри почему-то екнуло. Они вышли на широкое крыльцо второго этажа. Она поспешила за Гейбом за угол и увидела выстроившиеся в ряд удобные кресла. Там лежала закрытая книга, судя по красивому платью героини на обложке – исторический роман. Книга лежала на плетеном столике. Плющ пробрался и сюда, раскинув плети по стенам и даже обвиваясь вокруг ножек кресел. Когда она взглянула на перила, то не удивилась, увидев плющ и там. Внизу виднелся огромный бассейн в форме фасолины и...

– Это *самолет*? – спросила она.

Гейб хохотнул, открывая дверь.

– Это самолет Дева.

– У него есть самолет? – Она повернулась к Гейбу. – Зачем ему самолет?

– Он много путешествует по делам фирмы. Полагаю, ему проще иметь собственный самолет, – ответил он. – Это действительно удобно, когда хочешь смотаться куда-то по-быстрому.

– Могу представить. – На самом деле, она солгала. Рози не могла представить себе, как она встает однажды утром и решает отправиться в Париж или на Карибы, выходит из дома и прыгает в частный самолет. Мозг отказывался принимать эту мысль, а ведь она была довольно спонтанным человеком.

Но она не была сверхбогатым спонтанным человеком.

– Рози? – Голос Никки донесся откуда-то из комнат, спрятанных в глубине дома. – Это ты?

Гейб шагнул в сторону, позволив Рози войти в комнату, которая совершенно точно не была обычной спальней в доме. Это была *квартира*.

Втрое больше, чем ее собственная.

Чувствуя себя не в своей тарелке, она перевела взгляд на Никки.

– Сюрприз?

– Что ты тут делаешь? – Никки качнулась к ней.

– Я помогала Гейбу собрать тебе одежду. – Рози уронила сумочку на одно из кресел у двери. Она встретила Никки на полпути, схватив ее прохладные ладони в свои. – Я хотела

тебя увидеть, и он сказал, что я могу приехать.

– Правда? – Один здоровый, удивленно распахнувшийся глаз Никки метнулся к Гейбу.

– Не вижу в этом никаких проблем, – ответил он. – Отнесу все это в спальню.

Она еще мгновение смотрела на него, затем перевела взгляд на Розы.

– Я рада тебя видеть. Просто удивилась. Они не очень-то любят принимать тут гостей.

– Ты удивилась? – Розы хихикнула. – Я была готова просить и умолять о возможности повидаться с тобой и думала взять твою одежду в заложники, но мне даже не пришлось спорить.

– Это... вау. Ну, хорошо. – Она бросила взгляд туда, куда исчез Гейб. – Присядешь? – Она не стала ждать, пока Розы ответит, проведя ее к дивану. – Я только что проснулась, так что ты приехала в идеальное время.

– Выглядишь намного лучше.

– Ты лгунья, но спасибо.

Это была не совсем ложь. Некоторые синяки побледнели, а ее левый глаз уже немного приоткрылся, но да, она все еще выглядела ужасно.

– Как ты себя чувствуешь.

– Намного лучше. Все болит, но я жива.

Розы бросила взгляд в коридор и заговорила тише:

– Как у тебя все с Гейбом?

– Хорошо, полагаю. – Никки откинулась на пышные подушки. – Ну, то есть мы ни о чем не говорили, но он...

– Он устроил тебя тут, в поместье де Винсентов, отыскал меня, чтобы наверняка найти все, что тебе нужно, и даже позволил мне навестить тебя? – шепнула Роза в ответ, вспомнив то, что говорил ей Девлин. – А его бра...

– Хотите что-нибудь выпить? – крикнул Гейб из коридора.

Плечи Розы поникли.

– Я скажу тебе позже.

Никки внимательно посмотрела на нее.

– О'кей.

Как раз в этот момент появился Гейб и решил, что им обeim нужен стакан сладкого чая. Было странно сидеть в доме де Винсентов и пить сладкий чай со льдом, сервированный де Винсентом. Это было настолько сюрреалистично, что она даже не подумала выхватить электронный диктофон, который всегда носила с собой.

Никки, должно быть, читала ее мысли, потому что сказала:

– Удивительно, что с тобой нет ни одного из этих электронных счетчиков, которые снимают данные.

– Чего? – переспросил Гейб, присаживаясь на табурет, придвинутый к кухонному острову.

– Измеритель электромагнитного поля. Он определяет заряженные объекты, силовые линии и призраков.

– Призраков? – повторил он.

– Ага. Видишь ли, считается, что духи – повсюду, и они испускают в пространство электронные заряды, а измеритель электромагнитного поля считывает их.

Никки кивнула.

– Я действительно видела, как она использовала один из них. Он заработал посреди пустыря, где вокруг на мили не было линий электропередач.

Она говорила о старом кладбище у Таскалузы, где они познакомились с Никки, когда учились в университете Алабамы.

– У меня нет измерителя электромагнитного поля, но есть диктофон для записей ЭГФ.

Гейб упер ноги в нижнюю перекладину табурета и посмотрел с интересом. Она поняла, что он снял туфли.

– И что делает эта штука?

Улыбнувшись, она оглянулась на Никки и увидела, что та смотрит на Гейба со смягчившимся выражением лица.

– Ну, ЭГФ – это электронно-голосовые феномены. Этот диктофон может записывать обычные голоса, те, которые мы можем слышать ушами, а может записывать те голоса, которых мы не слышим. Часто он фиксирует лишь слова или короткие фразы, но если это будет место со множеством электронно-голосовых феноменов, то тогда можно использовать спирит-бокс.

Гейб опустил свой стакан с чаем.

– Что-то вроде доски для спиритических сеансов?

– Черт, нет, я не связываюсь с этим дерьмом. – Роза рванулась в бой. – Духам иногда нужна энергия, чтобы общаться, и есть доказательства, что белый шум на радиочастотах может обеспечить нужную энергию.

– А почему ты не используешь доски для спиритических сеансов? – спросил Гейб, и в его голосе не звучало ни грамма осуждения. Просто искреннее любопытство. – Я думал, все охотники за привидениями используют их.

– Только те, которым все равно, что за двери они открывают и с кем могут связаться, – ответила Роза, вспоминая, что случилось с Сарой. Иногда медиумы все равно что живые и дышащие доски для спиритических сеансов. – Не говоря уже о том, что моя мать сразу же выгнала бы меня, если бы узнала, что я занимаюсь такими вещами. – Она помедлила, бросив взгляд на Никки. – Я могу взять ЭГФ диктофон и посмотреть, сможем ли мы уловить...

– Нет. Ни за что. – Гейб вскинул руку. – Не хочу знать, что там говорят признаки. Я лучше буду делать вид, что все в этом доме совершенно нормально.

– У Гейба и его братьев потрясающая способность объяснять все, что они видят или слышат, – вклинилась Никки.

– А у тебя нет? – Гейб засмеялся, когда Никки раздраженно глянула на него.

Роза почувствовала радостное возбуждение. Гейб казался восприимчивей к принятию сверхъестественного. Может быть, она сможет рассказать ему о том, что, возможно, его

отец пытался достучаться до них с той стороны. По крайней мере, ее не будет мучить совесть.

– Так что...

– О-о, – пробормотала Никки, глядя через стекло балконной двери.

Рози проследила за ее взглядом, и почувствовала, как желудок подскочил к горлу. Казалось, каждая клетка ее тела застыла, когда она смотрела, как Девлин де Винсент открывает балконную дверь и входит в гостиную Гейба.

Она не могла заставить себя отвести взгляд. Идеально сидящие темные брюки. Белая рубашка по фигуре, подчеркивающая плечи и широкую грудь. Его темные волосы, как и раньше, были идеально уложены – ни одной пряди не выбивалось, – и на гладком подбородке не было даже следа щетины.

Это казалось невозможным.

– Кто-то не умеет стучаться, – пробормотал Гейб. Девлин, казалось, не услышал брата и даже не осознавал, что в комнате есть кто-то еще, потому что эти потрясающие глаза цвета морской волны смотрели лишь на нее. Он вошел в гостиную, оставив дверь открытой.

– Что *она* делает тут?

Спина Розы напряглась, словно по ней протекала раскаленная сталь, и она тут же перестала его разглядывать. Он произнес «она», как будто говорил о какой-то венерической болезни, и это было, ну, чертовски оскорбительно.

– Я тут, чтобы повеселиться и оттянуться.

Никки задохнулась чем-то очень похожим на смех.

Девлин пялился на нее, сохраняя нейтральное выражение на своем красивом лице.

– Я навещаю подругу, – закатила глаза Розы. – Все.

– Да? – переспросил он.

– Хм. Да? – ответила она.

– Привет, Дев. – Гейб отсалютовал ему стаканом. – Ты этого не знаешь, Розы, но у Дева есть какая-то сверхъестественная способность узнавать, когда в доме присутствует кто-то не из семьи. – Он помолчал. – Это немного пугает.

– Хотя разговоры о сверхъестественных способностях звучат интересно, но о посторонних в доме я узнал не так. – Девлин не сводил с нее глаз. – Ее машина припаркована на моем месте.

– У вас есть особая парковка? – Розы почувствовала, как к горлу подкатывает смех. – В вашем собственном доме?

Он слегка прищурился.

– Он любит порядок, – ответил Гейб. – Во всем, даже в месте парковки для машин... *его* месте.

– Я могу ответить и сам, – сухо сказал Девлин и наконец перевел взгляд на брата, и только тогда Розы почувствовала, что может вздохнуть полной грудью. – Но спасибо, что ответил за меня.

– Всегда пожалуйста.

Гейб сделал глоток.

Дев пронзил взглядом брата, затем этот ужасно напряженный взгляд вернулся к Розе.

– Но вы не припарковались на моем месте. Вы фактически заблокировали проезд к моему месту в гараже.

Она смотрела на него в ответ, ошеломленная, невольно задаваясь вопросом, всерьез ли все это.

– Вы хотите, чтобы я отогнала машину?

– Это было бы очень мило с вашей стороны, если бы вы предложили это сразу после того, как я впервые сказал, что ваша машина стоит на моем месте, – ответил он ровным тоном.

Никки рядом с ней окаменела, а Гейб вздохнул.

– Не нужно тебе отгонять машину, – сказал он. – Дев обойдется.

Девлин все еще не спускал с нее взгляда, и в этом взгляде был вызов.

Проглотив все слова, из-за которых ее наверняка вышвырнули бы из этого дома навсегда, она встала.

– Знаете что? Я отгоню машину.

– Розе, – начала было Никки.

– Нет, все в порядке. – Розе улыбнулась подруге, а потом крутанулась к Девлину и уставилась на него, сохраняя на лице широчайшую улыбку. – Буду счастлива отогнать для него свою машину. В конце концов, я не хочу, чтобы он так переживал.

– Я не переживаю. – Уголки его губ недовольно приспу-

стились, когда он проследил взглядом за тем, как она прошла к своей сумочке.

– О, я бы не была так уверена. – Покопавшись в сумке, она выудила ключи. – Кажется, вы в одном парковочном месте от сердечного приступа, а я не хотела бы стать причиной этого.

Раздался еще один сдавленный звук, на этот раз он вроде бы исходил от Гейба. Держа ключи в руке, она повернулась к ним.

– Сейчас вернусь.

– О'кей, – пробормотала Никки.

Подойдя к дверям – дверям, которые блокировал Девлин, – она остановилась и уставилась на него.

– Прошу прощения?

Он замер на мгновение, потом медленно, но целеустремленно шагнул в сторону.

– Спасибо, приятель. – Проходя мимо, она похлопала его по руке и направилась прямо к двери.

На небо набежали тучи, в воздухе стоял запах дождя. Надвигалась буря как в прямом, так и в переносном смысле.

Потому что, конечно же, Девлин шел прямо за ней. Она оглянулась на него через плечо.

– Вы следуете за мной, чтобы убедиться, что я уберу машину?

Он вскинул бровь.

– Я не слеую за вами.

– А выглядит именно так. – Отвернувшись, она пошла

дальше. – Или вы беспокоитесь, что я испорчу вашу собственность?

– А мне стоит? – Он отставал от нее на шаг, без труда подстроившись под ее быстрый темп, от которого она сама едва не задыхалась.

Добравшись до лестницы и начав спускаться по ступеням, Роза вновь закатила глаза.

– Да. Стоит. Я из тех, кто... – Она дошла до конца балкона, откуда уже было видно огромный гараж внизу и машину, которой там не было, когда они приехали. Челюсть у нее упала. – Пикап?

Девлин остановился рядом.

– Похож на него.

Ошарашенная, она только и могла, что таращиться на него. Рядом с ее Кароллой был припаркован... пикап. Просто обыкновенный пикап. Похожий на Форд. Не особо новый. Черный, с засохшей грязью и брызгами на колесах. Это был не Порш. Или Ягуар. Или Бенц. Или любая другая шикарная машина ценой в частный дом.

У этого человека был личный самолет, но он водил пикап?

– А что, с пикапом что-то не так? – спросил он.

Она сморгнула и отрицательно покачала головой. Это было просто неожиданно. Ладно. Это его выбор, неважно, насколько странный, ей все равно. Развернувшись, она пошла к лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.